Стефани Перкинс

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

АННА И ФРАНЦУЗСКИЙ ПОЦЕЛУЙ

Учебные романы

Стефани Перкинс

Анна и французский поцелуй

«РИПОЛ Классик»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)6-44

Перкинс С.

Анна и французский поцелуй / С. Перкинс — «РИПОЛ Классик», 2010 — (Учебные романы)

ISBN 978-5-386-09583-3

Впервые на русском языке! Бестселлер в 25 странах мирах. Книга, которую обожает сам Джон Грин!Семнадцатилетняя Анна Олифант абсолютно довольна своей жизнью в Атланте, где у нее есть друзья, хорошая работа и симпатичный коллега, который, кажется, в нее влюблен. Поэтому она приходит в ужас, когда узнает, что родители отправили ее учиться во Францию. А ведь она даже не знает французского.В Париже Анна заводит новых друзей и встречает Этьена Сент-Клэра. Он – все, о чем можно мечтать. Умный, красивый, уверенный в себе, очаровательный. К сожалению, у него есть девушка. Да и Анну в Атланте ждет молодой человек. Удастся ли ей сохранить отношения, когда рядом такой парень, как Этьен?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)6-44

ISBN 978-5-386-09583-3

© Перкинс С., 2010
© РИПОЛ Классик, 2010

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 9
Глава третья 14
Глава четвертая 20
Глава пятая 27
Глава шестая 31
Глава седьмая 36
Глава восьмая 41
Глава девятая 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Стефани Перкинс
Анна и французский поцелуй

Stephanie Perkins
Anna and the french kiss
© 2010 by Stephanie Perkins
© Васильева Ю. В., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Джарроду, лучшему другу и возлюбленному

Глава первая

Все, что я знаю о Франции, – это мадленки[1], «Амели» и «Мулен Руж». Еще Эйфелева башня и Триумфальная арка, хотя понятия не имею, зачем они нужны на самом деле. Наполеон, Мария Антуанетта и куча королей с именем Луи. Не помню, чем они знамениты, но, по-моему, это как-то связано с Французской революцией и Днем взятия Бастилии. Художественный музей под названием «Лувр» и его знаменитая стеклянная пирамида, пристанище «Моны Лизы» и статуи с отрубленными руками. Еще кафешки на каждом углу и бистро… или как они их там называют. И мимы. Неплохая еда (вроде бы), все курят и пьют много вина.

Я слышала, будто французы не любят американцев и белые кроссовки.

Несколько месяцев назад отец устроил меня в пансион. Хруст его перекрещенных пальцев, наверное, слышали даже на другом конце трубки, когда он заливал про «великолепный опыт в обучении» и «чудесные воспоминания, которые я буду хранить всю жизнь». Ну да. Чудесные воспоминания. Одна эта фраза выводила меня из себя.

После этого заявления я пробовала кричать, умолять и плакать, но ничего не сработало. И теперь у меня на руках новенькая студенческая виза и загранпаспорт, где написано: Анна Олифант, гражданка Соединенных Штатов Америки. И вот я здесь, вместе с родителями, распаковываю вещи в комнатушке размером меньше моего чемодана – новоиспеченная студентка Американской школы в Париже.

Не то чтобы я была неблагодарной. То есть это все-таки *Париж*. Город света! Самый романтический город в мире! Как можно против такого устоять. Просто сама затея с заграничным пансионом была скорее его, чем моя. С тех пор, как отец начал продавать идиотские книжки, по которым позднее сняли не менее идиотские фильмы, он изо всех сил старался произвести на своих нью-йоркских друзей впечатление культурного, интеллигентного человека.

Мой отец не интеллигент. Но он богат.

Так было не всегда. Когда родители только поженились, наша семья пребывала в самом низу среднего класса. Родители оказались на грани развода, и все амбиции пришлось отбросить в сторону. Мечта стать очередным великим писателем с Юга трансформировалась в жгучее желание стать очередным публикующимся автором. И вот, осев в одном из маленьких городков Джорджии, отец принялся писать новеллы об обычных людях с незыблемыми американскими ценностями, которое влюбляются окончательно и бесповоротно, попадают в опасные ситуации и обязательно умирают в конце.

Я серьезно.

Меня это вгоняет в черную депрессию, но тетки проглатывают подобное чтиво с удовольствием. Им нравятся книги моего отца, нравятся его свитера крупной вязки, белозубая улыбка и легкий загар. Благодаря им он стал автором бестселлеров… и полным кретином. По двум его книгам сняты фильмы, еще по трем их снимают сейчас. Это его основная статья дохода.

Голливуд. Возможно, именно огромные деньги и призрачная слава навели отца на мысль о том, что я должна жить во Франции. Целый год. Одна. Не знаю, почему он не посчитал нужным отправить меня в Австралию, или Ирландию, или куда-нибудь еще, где английский – родной язык. По-французски я знаю только одно слово – «oui»[2], и лишь недавно я узнала, что оно произносится как «уи», а вовсе не «ви». По крайней мере, в моей школе говорят по-английски. Ее и открыли специально для состоятельных американцев, которым наскучили собственные дети. На самом деле так оно и есть. Кто же еще отправляет детей в пансион? Прямо Хогвартс

---

[1] Мадленки – бисквитное печенье небольшого размера, которое часто делают в форме ракушек. Пользуется неизменным успехом во Франции и Европе в целом. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

[2] Oui – «да» по-французски.

какой-то. Только в нашем пансионе не учат летать на метле, там нет симпатичных мальчиков-чародеев и волшебных конфет. Вместо этого мне приходится ютиться с остальными девяноста девятью студентами. В классе всего двадцать пять человек вместо шести сотен, которые учились со мной в одной параллели в Атланте. Зато изучаю я те же предметы, что и в средней школе Клермонта, не считая французского, конечно.

Ах да! Французский. О свободном выборе предметов нет и речи. Меня от этого просто трясет.

Мама говорит, что из меня надо выбить дурь, но это не она бросает чудесную подругу Бридж. И отличную работу в мультиплексе по адресу: Роял Мидтаун, 14. И классного парня из этого мультиплекса.

До сих пор не могу поверить, что мама разлучила нас с Шоном – моему братику всего семь, и он еще слишком мал, чтобы после школы сидеть дома без присмотра. Или его без меня похитит жуткий тип, живущий ниже по улице, у которого окна завешены грязными полотенцами с логотипом кока-колы, или он случайно съест что-нибудь с красным красителем 40[3], у него случится отек Квинке, а рядом не окажется никого, кто мог бы отвезти его в больницу. Шон может даже умереть. И готова поспорить, они не позволят мне прилететь на его похороны, и на кладбище я попаду только в следующем году. Одна. К тому времени отец наверняка водрузит на могилу какой-нибудь кошмарный гранитный памятник.

Надеюсь, он не ждет, что я сейчас сижу и заполняю заявление на поступление в колледж где-нибудь в Румынии или России. Моя мечта – изучать режиссуру в Калифорнии. Я хочу стать первой в Америке женщиной-кинокритиком. Когда-нибудь меня будут приглашать на каждый фестиваль, у меня будет своя колонка в газете, классное телевизионное шоу и нереально популярный веб-сайт. К слову, веб-сайт у меня уже есть, но он не слишком популярен. Пока.

Мне просто нужно немного времени, и все.

– Анна, пора.

– Что? – Я отрываюсь от рубашек, сложенных в аккуратные квадратики, и поднимаю взгляд.

Мама пристально смотрит на меня, нервно теребя кулон с черепашкой. Отец, в персиковой рубашке поло и белых парусиновых туфлях, уставился в окно. Уже поздно, но женщина на другой стороне улицы поет что-то из оперы.

Родителям пора возвращаться в гостиницу. Им обоим утром рано вставать.

– О! – Мои пальцы с силой впиваются в одну из рубашек.

Отец отходит от окна, и я с удивлением замечаю, что у него глаза на мокром месте. При мысли о том, что отец – если он, конечно, вообще *мой отец* – вот-вот расплачется, у меня перехватывает горло.

– Ну, малышка. Полагаю, ты теперь совсем большая.

Меня сковало холодом. Отец неуклюже обнимает меня.

Мне становится неприятно.

– Не давай себя в обиду. Прилежно учись и обязательно подружись с кем-нибудь. Будь начеку, не забывай про карманников, – добавляет он. – Иногда они работают парами.

Я киваю, уткнувшись ему в плечо, и он меня отпускает. А потом уходит.

Мать останавливается на минутку.

– Тебя ждет чудесный год, – говорит она. – Я уверена.

Я закусываю губу, чтобы не расплакаться, и мама обнимает меня. Я стараюсь глубоко дышать. Вдох. Считаем до трех. Выдох. От мамы пахнет грейпфрутовым лосьоном.

– Я позвоню, когда доберусь до дома, – добавляет она.

---

[3] Красный очаровательный АС – пищевой краситель красного цвета, зарегистрированный в качестве пищевой добавки Е129.

Дом. Атланта больше не мой дом.

– Я люблю тебя, Анна.

Я больше не могу сдерживать рыдания.

– Я тоже тебя люблю. Приглядывай за Шонни вместо меня.

– Ну конечно.

– И за Капитаном Джеком, – говорю я. – Следи, чтобы Шон его кормил, менял ему подстилку и воду в поилке. И чтобы не кормил его слишком часто, а то он растолстеет и не сможет вылезти из домика. Пусть дает ему еду каждые три дня, ему ведь нужен витамин С, а воду, в которую я добавляю витаминки, он не пьет…

Мама отстраняется и заправляет мне за ухо выбившуюся прядь.

– Я люблю тебя, – вновь повторяет она.

И вот, когда мама делает нечто подобное, несмотря на все бумажки, билеты на самолет и презентации, я оказываюсь не готова к расставанию с ней. Что-то подобное должно было случиться, в этом году мне в любом случае предстояло поступать в колледж. Но сколько бы дней, месяцев или лет я ни думала об этом, ни мечтала об отъезде, когда все происходит по-настоящему, я по-прежнему не готова к разлуке.

Мама уходит. Я остаюсь одна.

Глава вторая

Я чувствую, что она приближается, но ничего не могу поделать.

ПАНИКА.

Они меня бросили. Родители действительно меня бросили. ВО ФРАНЦИИ!

Как бы то ни было, в Париже неестественно тихо. Даже любительница оперных арий куда-то ушла. Мне не отвертеться. Стены здесь тоньше, чем пластырь, и если я расплачусь, мои соседи – новые одноклассники – все услышат. Так что я просто заболею. Меня стошнит баклажановой икрой, которую я ела на ужин, и никто не позовет меня смотреть на выпрыгивающих из невидимых коробочек мимов… или как там еще здесь проводят свободное время.

Я подхожу к раковине, чтобы умыться, но вода брызгает из крана с такой силой, что одежда тут же намокает. Теперь я рыдаю еще сильнее, потому что распаковать полотенца не успела, и мокрая одежда напоминает мне о дурацких водных аттракционах, на которые меня потащили Бриджит и Мэтт в Шести флагах[4]. Вода там неестественного цвета, от нее воняет краской, и микробов в ней наверняка биллионы и триллионы. О господи! Что, если в этой воде тоже микробы? Безопасно ли пить воду из-под крана во Франции?

Да я просто жалкая, неуверенная в себе девчонка.

Много ли семнадцатилетних подростков готовы пойти на что угодно, даже на убийство, лишь бы вернуться домой? Для моих соседей в происходящем не было ничего трагичного. Из их комнат не доносится рыданий. Я хватаю рубашку, чтобы вытереться хоть чем-то, и тут меня осеняет. *Моя подушка.* Я утыкаюсь лицом в звукоизоляционный барьер и всхлипываю, всхлипываю, всхлипываю…

Кто-то стучит в дверь.

Нет. Только не ко мне.

И опять!

– Привет! – говорит какая-то девушка из коридора. – Привет! Ты в порядке?

Нет, я не в порядке. УХОДИ. Но девушка зовет снова, и мне приходится сползти с кровати, чтобы ответить. По ту сторону двери оказывается кудрявая блондинка с длинными упругими локонами. Высокая, крупная, но без лишнего веса. Словно игрок волейбольной команды. Нос у нее проколот. В свете светильников сережка ярко переливается, словно туда вставлен бриллиант.

– Ты в порядке? – мягко спрашивает девушка. – Я Мередит, наши двери рядом. Это твои родители только что уехали?

Мои припухшие глаза – прямое тому свидетельство.

– Я тоже проплакала первую ночь. – Мередит задумчиво наклоняет голову, замирает на минуту, а затем кивает: – Идем. *Горячий шоколад*[5].

– Шоколадное шоу?

С какой стати мне смотреть шоколадное шоу? Меня бросила мама, я боюсь выходить из комнаты и…

– Нет. – Мередит улыбается. – Горячий шоколад, я могу приготовить его у себя в комнате.

Ох.

Я нехотя иду следом. Вдруг Мередит поднимает руку и останавливает меня, точно регулировщик движения. Все пять пальцев у нее в кольцах.

– Не забывай ключ. Двери закрываются автоматически.

---

[4] Шесть флагов – один из самых крупных в мире операторов парков развлечений. Владеет 21 парком развлечений, аквапарками, семейными развлекательными центрами в Северной Америке.

[5] Французское слово chaud («горячий») и английское show («шоу») схожи по звучанию.

– Знаю. – И я вытаскиваю из-под рубашки шнурок с ключом, чтобы проверить это.

Я прицепила ключ на шнурок еще в выходные на семинаре, посвященном жизненно важным навыкам для новоиспеченных студентов. Там рассказывали, как легко оказаться запертым в комнате.

Мы входим в ее комнату. Я судорожно вздыхаю. Такого же невероятного размера, как и моя, семь на десять футов, с мини-столиком, мини-шкафом, мини-кроватью, мини-холодильником, мини-раковиной и мини-душем. (Мини-унитаз отсутствует, туалет дальше по коридору.) Но… в отличие от моей стерильной клетушки каждый дюйм стен и потолка заклеен постерами, картинками, кусками рваной цветной бумаги, а также яркими листовками на французском.

– Ты давно здесь? – спрашиваю я.

Мередит протягивает мне салфетку, и я высмаркиваю нос с таким звуком, словно гогочет рассерженный гусь, но лицо моей новой подруги остается невозмутимым. Она даже не морщится.

– Я приехала вчера. Но учусь здесь уже четвертый год, так что ходить на семинары мне не надо. Просто шатаюсь то тут, то там, жду, когда приедут друзья. – Она упирает руки в бока и смотрит по сторонам, гордо разглядывая дело своих рук. Мой взгляд падает на пол, где валяются пачка журналов, ножницы и клейкая лента, и я понимаю, что работа еще не закончена. – Неплохо, да? Белые стены не для меня.

Я обхожу комнату, внимательно разглядывая все-все. И быстро обнаруживаю, что в основном на плакатах красуются лица пяти человек: Джона, Пола, Джорджа, Ринго и какого-то футболиста. Его я не знаю.

– Битлз – это все, что я слушаю. Друзья прикалываются надо мной из-за этого, но я…

– А это кто? – Я указываю на футболиста в красно-белой форме. У него темные брови и темные волосы. Довольно симпатичный на самом деле.

– Сеск Фабрегас. Боже, он самый невероятный полузащитник. Играет за «Арсенал». Английский футбольный клуб, знаешь?

Я качаю головой. Я не слишком разбираюсь в спорте, хотя, возможно, и стоило бы.

– Красивые ноги.

– Думаешь, я не знаю? Поосторожней с такими вещами.

Пока Мередит варит горячий шоколад на нагревательной плитке, я вдруг осознаю, что она такая же старшеклассница, как и я, и играла в футбол все лето не только потому, что в школе на тот момент не было занятий, но и потому, что до этого училась в Массачусетсе. Она ведь из Бостона. А значит, как мне кажется, олицетворяет собой футбол. Думаю, в этом что-то есть. И похоже, ее совершенно не раздражает, что я засыпаю ее вопросами и роюсь в ее вещах.

Комната Мередит просто восхитительна. Помимо развешанных по стенам штучек тут есть и китайские чайные чашки, заполненные блестящими пластиковыми колечками, серебряными кольцами с янтарем и стеклянными колечками с запаянными внутри цветами. Такое ощущение, что она живет здесь уже много лет.

Я примеряю кольцо с резиновым динозавриком. Стоит на него нажать, и тираннозавр тут же начинает мерцать красными, желтыми и голубыми огоньками.

– Хотела бы я, чтоб у меня была такая же комната.

Мне здесь нравится, но я слишком помешана на чистоте, чтобы устроить нечто подобное у себя. Мне нужны чистые стены, порядок на столе и чтобы все лежало на своих местах.

Мередит кажется польщенной.

– Это твои друзья? – Я кладу динозаврика обратно в чашку и показываю на прикрепленную к зеркалу фотографию.

Темный снимок напечатан на толстой глянцевой бумаге. И от него за версту несет школьной фотостудией. Перед гигантским полым кубом стоят четверо, стильная черная одежда и

продуманно взъерошенные волосы явно указывают на то, что Мередит принадлежит к артистической среде. Честно говоря, я удивлена. Конечно, ее комната свидетельствует о художественном вкусе, у нее полно колец на пальцах и в носу, но в остальном нет ничего необычного: сиреневый свитер, мятые джинсы, тихий голос. Есть еще, конечно, футбол, но парнем в юбке ее назвать сложно.

Она широко улыбается, и кольцо в носу ярко сверкает.

– Да-да. Элли сделала ее в Ла-Дефанс[6]. Это Джош, и Сент-Клэр, и я, и Рашми. Познакомишься с ними завтра во время завтрака. В общем, все, кроме Элли. Она закончила учиться в прошлом году.

Мой желудок начинает потихоньку приходить в норму. Могу ли я считать это приглашением сесть вместе?

– Но я уверена, что скоро вы встретитесь, потому что она встречается с Сент-Клэром. И еще она учится фотографии в Школе искусств и дизайна Парсонс.

Я никогда не слышала о такой школе, но киваю так, будто однажды собираюсь туда поступать.

– Она *по-настоящему* талантлива. – Напряжение в голосе Мередит говорит об обратном, но я не собираюсь возражать. – Джош и Рашми тоже встречаются, – добавляет она.

Ах! У Мередит никого нет.

К несчастью, я могу ее поддержать. Дома мы встречались с моим другом Мэттом пять месяцев. Он был высокий, забавный и с красивой прической. Один из тех случаев, когда «поскольку на горизонте никого нет, а не повстречаться ли нам?». Единственное, на что нас хватило, это поцелуи, и то ничего особенно приятного в них не было. Только много слюны. Все время приходилось вытирать потом подбородок.

Мы порвали перед моим отъездом во Францию, но разрыв оказался очень спокойным. Я не рыдала, не посылала ему слезливые имейлы и ключи от маминого автомобиля. Теперь он встречается с Черри Миликен, которая поет в хоре, и волосы у нее как из рекламы шампуня. И даже не вспоминает обо мне.

Нет, правда.

Но наш разрыв предоставил мне прекрасную возможность переключиться на Тофа, моего коллегу по мультиплексу и фантастически привлекательного парня. Не то чтобы он был безразличен мне раньше, когда мы встречались с Мэттом, и тем не менее. Это заставляло меня испытывать чувство вины. Все, что у нас намечалось с Тофом, к концу лета окрепло. Однако Мэтт – единственный, с кем я встречалась по-настоящему. Однажды я сказала ему, что встречалась в летнем лагере с парнем по имени Стюарт Систлбэк. У Стюарта Систлбэка были темно-рыжие волосы, он играл на бас-гитаре, и мы по уши втюрились друг в друга, но он жил в Чаттануге[7], а у нас тогда еще не было водительских прав.

Мэтт догадывался, что я все это выдумала, но был слишком тактичен, чтобы озвучивать свои сомнения.

Я собираюсь спросить Мередит, какие предметы она посещает, когда ее телефон выдает первые ноты «Земляничных полян»[8]. Глаза ее округляются, и она отвечает на звонок:

– Мама, здесь сейчас полдень. Шесть часов разницы, помнишь?

Я смотрю на будильник Мередит в форме желтой подводной лодки и с удивлением отмечаю, что она права. Я ставлю пустую кружку на комод.

– Мне пора идти, – шепчу я. – Прости, что задержала тебя.

---

[6] Ла-Дефанс – современный деловой и жилой квартал в ближнем пригороде Парижа. Считается самым большим деловым центром Европы, его также называют парижским Манхэттеном.

[7] Чаттануга – город в США, штат Теннесси.

[8] «Земляничные поляны навсегда» (Strawberry fields forever) – песня «Битлз». «Земляничными полянами» назывался детский приют, по соседству с которым жил в детстве Джон Леннон.

– Подожди секунду. – Мередит прикрывает трубку рукой. – Я рада была познакомиться с тобой. Увидимся за завтраком?

– Да-да. Увидимся. – Я стараюсь произнести это равнодушно, но внутри меня так трясет, что, когда я выхожу, едва не врезаюсь в стену.

Уупс. Не в стену. В парня.

– Уф! – Он отшатывается назад.

– Прости! Мне так стыдно, я и не знала, что ты здесь.

Он растерянно качает головой. Первое, что бросается мне в глаза, – это его волосы. Впервые я обращаю внимание на что-то подобное. Они темно-коричневые, и непонятно, то ли длинные, то ли короткие. И то и другое одновременно. Это прическа свободного художника. Прическа музыканта. Прическа мне-будто-бы-все-равно-но-на-самом-деле-нет.

Красивая прическа.

– Все нормально. А я тебя раньше не видел. Ты сама-то в порядке?

О боже! Он англичанин.

– Ээ… Здесь ведь живет Мер? – Парень улыбается.

Серьезно, я не знаю ни одной американской девчонки, которая могла бы устоять перед английским акцентом.

– Мередит Шевалье? Такая высокая девушка? С пышными кудрявыми волосами? – в растерянности спрашиваю я.

Теперь парень смотрит на меня так, будто я сумасшедшая или полузомби, типа моей Нанны Олифант. Нанна всегда улыбается и качает головой, о чем бы я ни спросила, будь то: «Какую салатную заправку предпочитаешь?» или «Куда ты положила вставную дедушкину челюсть?»

– Прошу прощения. – Парень делает крохотный шажок назад. – Ты ведь шла спать.

– Да! Мередит живет здесь. Мы просто посидели вместе пару часов. – Я заявляю это с апломбом Шонни, заметившего на лужайке перед домом нечто отвратительное. – Я Анна! Я новенькая!

О боже. Что это. И с чего вдруг такой энтузиазм? Мои щеки краснеют, и это ужасно унизительно.

Симпатичный парень смущенно улыбается. У него прекрасные зубы – ровные наверху и слегка сужающиеся книзу. Похоже, ему исправляли прикус. Я ничего в этом не понимаю, ведь у меня полное отсутствие опыта в ортодонтических процедурах. Между передними зубами у меня дырка величиной с изюминку.

– Этьен, – говорит он. – Я живу этажом выше.

– А я здесь.

Я показываю на свою дверь, а в голове крутится: французское имя, английский акцент, американская школа – Анна в тупике.

Парень дважды стучит в комнату Мередит.

– Что ж. Увидимся, Анна.

Этьен произносит мое имя как «Ах-на».

Сердце колотится, колотится, колотится у меня в груди…

Мередит открывает дверь.

– Сент-Клэр! – вскрикивает она, продолжая висеть на телефоне.

Они смеются, обнимаются и пытаются переговорить друг друга.

– Заходи! Как прошел перелет? Когда ты приехал? Ты видел Джоша? Мам, мне нужно идти.

Мередит мгновенно отключает телефон и захлопывает дверь.

Я тереблю висящий на шее ключ. Две девочки в одинаковых розовых халатах плетутся за мной, перешептываясь и хихикая. В другом конце коридора стоит группка парней. Они

смеются и свистят. Мередит и ее друг хохочут за стеной. Мое сердце уходит в пятки, желудок скручивает.

Я все еще новенькая. И я все еще одинока.

Глава третья

На следующее утро я решаю зайти к Мередит, но не осмеливаюсь и иду на завтрак одна. По крайней мере, где находится столовая, мне известно (день второй: семинары по выживанию). Я проверяю карточку на еду и открываю зонтик с «Хелло, Китти». Моросит. Погоде не важно, что сегодня у меня первый день в школе.

Я перехожу дорожку вместе с группой болтающих студентов. Они не замечают меня, но мы вместе обходим лужи. Мимо проносится автомобиль размером с одну из машинок моего брата и окатывает водой какую-то девочку в очках. Она ругается, а друзья пытаются ее успокоить.

Я плетусь следом.

Город в жемчужно-серой дымке. Небо затянуто облаками, каменные здания холодно-элегантны, впереди сияет Пантеон. Его массивный купол словно парит над окрестностями. И каждый раз, когда я вижу Пантеон, мне тяжело отвести от него взгляд. Его словно перенесли сюда из Древнего Рима, ну или, на худой конец, с Капитолийского холма. Из окна классной комнаты ничего подобного не видно.

Я еще не знаю, для чего предназначается это здание, но надеюсь, что скоро мне кто-нибудь об этом расскажет.

Я живу неподалеку от Латинского квартала или Пятого округа. Если верить моему карманному словарю, это такой район, и здания в моем округе тесно лепятся одно к другому в виде завитков, не уступающих по великолепию свадебному торту. Пешеходные дорожки заполнены студентами и туристами, обрамлены одинаковыми скамейками и ажурными фонарями. Деревья с пышными кронами, огороженные металлическими решетками. Готические соборы и тонкие блинчики, стойки с открытками и причудливо украшенные металлические решетки на балконах.

Будь у меня каникулы, я была бы очарована. Я бы купила брелок с Эйфелевой башней и заказала в кафе порцию улиток. Но я не на каникулах. Меня отправили сюда жить. И я чувствую себя потерянной.

Главное здание Американской школы всего в двух минутах ходьбы от дворца Ламберт, это общежитие студентов предпоследнего и последнего курсов. Вход туда оформлен в виде огромной арки, а за ней внутренний дворик с аккуратно подстриженными деревьями. Окна на каждом этаже обрамлены плющом и геранью в ящиках. А зеленые двери в три моих роста украшают величественные головы львов. На каждой створке вывешены флаги – один американский, другой французский.

Напоминает кадр из кинофильма. Что-то вроде «Маленькой принцессы», если бы действие разворачивалось в Париже. Разве может подобная школа существовать на самом деле? И как получилось, что меня сюда взяли? Отец просто с ума сходит от сознания того, что я здесь.

Я пытаюсь сложить зонт и одновременно открыть попой тяжелую деревянную дверь, когда в меня врезается какой-то заносчивый парень с тщательно уложенными волосами. Он впечатывается прямо в мой зонт и тут же награждает уничижительным взглядом, словно а) это я виновата в том, что у него грация годовалого ребенка, и б) он не был уже и так промокшим до нитки.

Вот они двойные стандарты Парижа. Ну и пошел ты, задавака.

Высота потолка на первом этаже просто невероятная, он украшен массивными люстрами и фресками с флиртующими нимфами и похотливыми сатирами. В воздухе все еще витает легкий апельсиновый запах чистящих средств. Толпа студентов ведет меня прямо в столовую. Под ногами мраморная мозаика, изображающая воробьев. В дальнем конце холла позолоченные часы отбивают час дня.

Эта школа настолько же пугает, насколько и завораживает. Похоже, она предназначена для тех учеников, кто ходит с персональной охраной и катается на шетландских пони, а не для тех, кто большую часть гардероба закупает в «Таргете».

И хотя я уже видела ее во время знакомства со школой, столовая буквально вгоняет меня в ступор. Я представляла, что мне придется есть ланч в переделанном спортзале, где все еще пахнет побелкой. Кругом длинные столы с приваренными скамейками, бумажные стаканчики и пластиковые подносы. Женщины в чепчиках за кассовыми аппаратами отпускают полуфабрикатную пиццу, полуфабрикатную картошку фри и полуфабрикатные наггетсы. Автоматы с газировкой дополняют картину так называемого полноценного питания.

Но это – это настоящий ресторан.

В противоположность изобилию исторических мотивов в убранстве холла, столовая отличается подчеркнутой современностью. Повсюду круглые деревянные столы и растения в подвесных горшках. Стены выкрашены в оранжевый и светло-зеленый. Аккуратный француз в белом поварском колпаке выставляет различные блюда, которые кажутся весьма аппетитными. Есть также несколько ящиков с напитками в бутылках, но вместо сладкой газировки и колы здесь соки и десятки видов минералки. И еще тут имеется столик с кофейным аппаратом. *Кофе.* Я знала несколько человек в Клермонте. которые готовы были бы пойти на что угодно ради старбакса[9] в школе.

Большинство стульев уже заняты болтающими студентами. Шум голосов перекрывает даже звон столовых приборов и звяканье тарелок (из фарфора, а вовсе не из пластика). Я застываю как вкопанная в дверном проеме. Студенты ходят туда-сюда мимо меня. В груди ледяной ком. Что лучше сделать сначала – занять столик или взять завтрак? И как я вообще буду делать заказ, если меню окажется на французском?

Кто-то окликает меня по имени, и я вздрагиваю. О пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста…

Я оглядываю толпу и вижу руку с кольцами на всех пяти пальцах. Эта рука машет мне из дальнего конца столовой. Мередит указывает на пустой стул рядом с собой, и я с облегчением и благодарностью устремляюсь к ней.

– Я хотела постучаться к тебе, чтобы пойти вместе, но подумала, что, возможно, ты любишь поспать подольше. – Мередит озабоченно хмурит брови. – Прости, мне все же следовало постучать. Ты выглядела такой потерянной.

– Спасибо, что заняла мне место. – Я кладу вещи на стол и сажусь.

За нашим столиком сидят еще два человека, и, как и обещала Мередит вчера вечером, это двое с фотографии. Я вновь начинаю нервничать и переставляю рюкзак на пол.

– Это Анна, девочка, про которую я вам рассказывала, – говорит Мередит.

Долговязый парень с короткими волосами и длинным носом салютует мне чашкой с кофе.

– Джош, – говорит он. – И Рашми. – Парень кивает на девочку, которая сидит рядом и держит под столом его за руку через карман толстовки.

У Рашми стильные фанковые очки в голубой оправе и длинные густые черные волосы до поясницы. Она едва обращает на меня внимание.

Все в порядке. Не больно-то и надо.

– Все на месте, кроме Сент-Клэра, – говорит Мередит. Она крутит головой по сторонам. – Он обычно опаздывает.

– Всегда, – поправляет ее Джош. – Всегда опаздывает.

Я прочищаю горло.

– Думаю, я видела его вчера вечером. В коридоре.

---

[9] Старбакс – популярный в Америке сорт кофе.

– Прекрасные волосы и английский акцент? – спрашивает Мередит.

– Эм… Да. Наверное. – Я стараюсь говорить как можно безразличнее.

Джош подмигивает мне:

– Все влююююблены в Сент-Клэра.

– О, заткнись, – улыбается Мередит.

– Я нет. – Рашми наконец обращает на меня внимание. Видимо, прикидывает, способна ли я увести у нее парня.

Джош выпускает ее руку и притворно-тяжело вздыхает:

– Ну, а я да. Попрошу его пойти со мной на бал. Это наш год, я знаю.

– Боже, нет, – говорит Рашми. – Что ты, Джош! Действительно мило вы с Сент-Клэром будете выглядеть, сдавая задолженности.

– Хвосты. – Английский акцент заставляет нас с Мередит подпрыгнуть на месте. Вчерашний мальчик. Красивый мальчик. Его волосы намокли и слиплись от дождя. – И не спорь, что задолженности имеют хвосты, иначе я отдам твой букетик на платье Стиву Карверу.

– Сент-Клэр!

Джош вскакивает со своего места, и они обнимаются так, как это обычно делают парни, хлопая друг друга по спине.

– И никакого поцелуя? Я разочарован, друг.

– Небольшая размолвка между супругами. Она про нас еще не знает.

– Да ладно вам, – с улыбкой говорит Рашми, и ей это невероятно идет. Рашми стоит улыбаться почаще.

Красивый парень (лучше звать его Этьен или Сент-Клэр?) бросает рюкзак и усаживается на свободный стул между мной и Рашми.

– Анна. – Он явно удивлен, как, впрочем, и я.

Он меня помнит!

– Хорошенький зонтик. Сегодня утром самое то.

Он проводит рукой по волосам, и капля попадает на мою голую руку. Я теряю дар речи. К несчастью, вместо меня вдруг подает голос мой желудок. Сент-Клэр стреляет глазами в мою сторону, и я понимаю, что глаза у него поразительно огромные и темно-карие. Лучшего оружия для покорения женского пола ему не найти.

Наверное, Джош прав. В него должны быть влюблены все девочки в школе.

– Ну и звук. Лучше бы тебе накормить этого монстра… – Сент-Клэр делает вид, будто изучает меня, а потом наклоняется поближе, чтобы прошептать: – Пока ты не превратилась в одну из тех девушек, которые никогда не едят. Не могу даже передать, как я их боюсь. Пожизненный запрет на еду – жуть!

Я наконец отваживаюсь произнести нечто членораздельное в присутствии этого потрясающего парня:

– Я не знаю, как сделать заказ.

– Элементарно, – усмехается Джош. – Встаешь в очередь. Говоришь, чего хочешь. Ну, вкусности лучше не упоминать. А потом отдаешь свою карточку на еду и две пинты крови.

– Я слышала, в этом году они подняли плату до трех пинт, – смеется Рашми.

– Можно добавить костный мозг, – добавляет красавчик Сент-Клэр. – Или левую мочку уха.

– Я имела в виду меню, но спасибо большое. – Я показываю на меловую доску, висящую над одним из поваров, где разноцветными мелками (розовым, желтым и белым) написано утреннее меню. Почерк, конечно, красивый, но все на французском. – Это не совсем мой родной язык.

– Ты не говоришь по-французски? – спрашивает Мередит.

– Я три года изучала испанский. И не предполагала, что меня отошлют в Париж.

– Все в порядке, – успокаивает меня Мередит. – Здесь куча народу не говорит по-французски.

– Но большинство все-таки говорит, – добавляет Джош.

– Зато не слишком хорошо. – Рашми бросает на него многозначительный взгляд.

– Сначала ты выучишь язык еды. Язык любви. – Джош наглаживает свой живот, словно тощий Будда. – Oeuf – яйцо. Pomme – яблоко. Lapin – кролик.

– Не смешно. – Рашми пихает его локтем. – Неудивительно, что Исида тебя кусает. Идиот!

Я снова смотрю на доску. Там по-прежнему все на французском.

– Эм… а до этого?

– Правильно. – Сент-Клэр отодвигает стул. – Пошли вместе. Я все равно еще не ел.

Пока мы прокладываем путь через толпу, я замечаю, что несколько девочек смотрят на моего спутника открыв рот. Как только мы встаем в очередь, блондинка в тоненькой маечке, с крючковатым носом, нежно воркует:

– Привет, Сент-Клэр. Как прошло лето?

– Привет, Аманда. Прекрасно.

– Ты оставался здесь или летал в Лондон? – Блондинка наклоняется к подруге – невысокой девушке с собранными в хвост волосами, – чтобы как можно лучше продемонстрировать декольте.

– Я был в Сан-Франциско с мамой. Хорошо провела каникулы? – вежливо отвечает он, но мне приятно слышать равнодушие в его голосе.

Аманда встряхивает волосами и внезапно становится похожа на Черри Миликен.

Черри любит демонстрировать свои волосы, трясти ими и накручивать пряди на палец. Бридж уверена, что уик-энды она проводит, прикидываясь супермоделью и общаясь с ликующими фанатами, но мне кажется, она чересчур занята масками для волос. Бесконечный квест с морскими водорослями и папайей, чтобы достичь эффекта совершенного сияния.

– *Сказочно!* – Еще один взмах волосами. – Я летала на месяц в *Грецию,* а остаток лета провела на Манхэттене. У моего отца *великолепный* пентхаус с видом на Центральный парк.

В каждой фразе блондинка обязательно делает *акцент* на каком-то слове. Я фыркаю, чтобы не рассмеяться, а Сент-Клэр странно закашливается.

– Но я *скучала* по тебе. Ты разве не получал мои *имейлы?*

– Эм… нет. Должно быть, там был указан неправильный адрес. Хей! – Сент-Клэр толкает меня локтем. – Почти наша очередь. Он поворачивается спиной к Аманде, и они с подружкой хмурятся. – Время первого урока. Завтрак здесь весьма незамысловат и состоит в основном из хлеба, особой популярностью конечно же пользуются круассаны. Никакого омлета и никаких сосисок.

– А бекон? – с надеждой спрашиваю я.

– Ничего подобного, – смеется парень. – Урок номер два – слова на доске. Слушай внимательно и повторяй за мной. Granola. – Я прищуриваюсь, а Этьен широко распахивает глаза, изображая невинность. – Это означает «гранола», понимаешь? И еще одно? Yaourt?

– Подожди, дай угадаю. Йогурт?

– Точно! Говоришь, никогда раньше не бывала во Франции?

– Хрр. Черт побери! Хрр.

Парень улыбается:

– Все с тобой ясно. Знаешь меня меньше дня, а уже передразниваешь мой акцент. Что же дальше? Обсудим состояние моих волос? Или мой вес? Мои штаны?

Штаны. Вот честно.

Француз за стойкой рявкает на нас. Простите, Мистер Пьер. Я немного отвлеклась на этого потрясающего парня, англичанина-француза-американца. Вышеупомянутый парень тут же тараторит:

– Йогурт с гранолой и медом и яйцо всмятку или бриошь с грушей?

Я понятия не имею, что такое бриошь.

– Йогурт, – отвечаю я.

Сент-Клэр заказывает нам еду на прекрасном французском. По крайней мере, для моих ушей это звучит великолепно, и Мистер Пьер немного оттаивает. Он перестает хмуриться и смешивает йогурт с гранолой и медом. А потом бросает сверху немного черники и протягивает нам.

– Мерси, месье Бутен.

Я хватаю наш поднос:

– Никаких пирожков? Никаких шоколадных булочек? – Я оскорблена.

– Пирожки по вторникам, вафли по средам, а вот шоколадных булочек не бывает никогда-никогда. Придется вместо этого привыкнуть к «Фрути лупис»[10] по пятницам.

– Для английского денди ты весьма неплохо разбираешься в американском фастфуде.

– Апельсиновый сок? Грейпфрутовый? Клюквенный морс? – Я показываю на апельсиновый, и Сент-Клэр вытаскивает из ящика две бутылки. – Я не англичанин. Я американец.

Я улыбаюсь:

– Уверена, так и есть.

– Это правда. Нужно быть американцем, чтобы поступить в АШП, помнишь?

– АШП?

– Американская школа в Париже, – поясняет он. – АШП.

Прекрасно. Отец отправил меня сюда как чистокровную американку.

Мы встаем в очередь, чтобы заплатить, и я удивляюсь тому, как спокойно это происходит. В моей прежней школе все старались прорваться вперед и делали все, чтобы позлить официанток, но здесь каждый ждет своей очереди. Я оборачиваюсь как раз в тот момент, когда Сент-Клэр оценивающим взглядом окидывает мою фигуру. Красивый парень оценивает *меня!* И даже не понимает, что я его застукала.

– Моя мама – американка, – вкрадчиво добавляет он. – А отец – француз. Я родился в Сан-Франциско, а вырос в Лондоне.

К счастью, я наконец обретаю дар речи.

– Настоящий человек мира, – хмыкаю я.

Сент-Клэр смеется:

– Это уж точно. Не позер, как вы.

Я уже собираюсь сказать ему что-нибудь едкое в ответ, но вдруг вспоминаю: *у него есть девушка.* Нечто дьявольское выбивает все наивные бредни у меня из головы, заставляя вспомнить вечерний разговор с Мередит. Пора сменить тему.

– А настоящее имя у тебя какое? Вчера вечером ты представился как…

– Сент-Клэр – моя фамилия. А Этьен – имя.

– Этьен Сент-Клэр. – Я стараюсь повторить его иностранный аристократический акцент.

– Ужасно, не правда ли?

Я смеюсь:

– Этьен звучит здорово. Почему остальные тебя так не зовут?

– О, как великодушно с твоей стороны. «Этьен звучит здорово».

[10] «Фрути лупис» – многозерновые колечки, популярный в Америке вид сухого завтрака, а также пирожные из фруктовых колечек.

За нами в очередь пристраивается какой-то худощавый темнокожий парень, весь в прыщах и с копной черных волос. Парень явно рад видеть Этьена, и тот улыбается в ответ:

– Хей, Никхил. Каникулы прошли хорошо? – Тот же самый вопрос он задал Аманде, но в этот раз он звучит намного душевнее.

Парнишка как будто только этого и ждал. Он тут же пускается в рассказ о своем путешествии в Дельфи, о магазинах, храмах и муссонах. (Он даже ездил на однодневную экскурсию в Тадж-Махал. А я ездила на пляж Панама-Сити, где тусуется большая часть Джорджии.) К нам подходит еще один мальчик, худой и бледнокожий, с напомаженными волосами. Никхил тут же забывает про нас и обрушивается на друга с той же жизнерадостной болтовней.

Сент-Клэр – я решила называть его так, чтобы держать свои эмоции в узде, – вновь поворачивается ко мне:

– Никхил – брат Рашми. Он только поступил в этом году. Еще у нее есть младшая сестра Санджита, студентка предпоследнего курса, и старшая сестра Лейла, она окончила школу два года назад.

– А у тебя есть братья или сестры?

– Нет. А у тебя?

– Есть брат, но он остался дома. В Атланте. Это в штате Джорджия. На Юге.

Сент-Клэр приподнимает бровь:

– Я знаю, где находится Атланта.

– О, хорошо. – Я протягиваю свою карточку на питание человеку за кассовым аппаратом.

Так же, как месье Бутен, он носит белую униформу и накрахмаленный колпак. И еще у него такие завитые усики. Пфф! Даже не думала, что тут у них так принято. Господин Завитые Усики сканирует мою карту и возвращает ее мне с коротким *merci*.

Спасибо. Вот я и выучила еще одно слово. Великолепно.

Когда мы возвращаемся за столик, Аманда продолжает поглядывать на нас, успешно обосновавшись в компании Крайне Приятных Людей. И я вовсе не удивлена тому, что парень со странной прической и высокомерным взглядом сидит рядом с ней. Сент-Клэр что-то рассказывает про занятия – чего мне ожидать в первый день, какие у меня учителя, – но я уже не слушаю. Единственное, что меня занимает, это его обворожительная улыбка и доверительный, дружеский тон.

Самая большая дура здесь это я.

Глава четвертая

Очередь учеников класса Н медленно движется сквозь очередь класса Р. Парень передо мной о чем-то спорит с методистом. Я смотрю на учеников из класса А сквозь толпу и вижу Мередит Шевалье и Рашми Деви, которые уже получили свое расписание уроков и теперь сравнивают их друг с другом.

– Но я не просил театральную студию, я хотел теорию вычислительных систем, – удрученно говорит один из студентов.

Регистратор абсолютно невозмутима.

– Знаю, но теория вычислительных систем не вписывается в твое расписание, и мы выбрали альтернативный вариант. Возможно, ты сможешь записаться на теорию вычислительных систем позже…

– Моим альтернативным вариантом было компьютерное программирование.

Я отвлекаюсь и теряю нить разговора. Неужели они могут так поступить? Заставить нас ходить на занятия, о которых мы не просили? Я просто умру – УМРУ, – если меня снова заставят ходить в спортзал.

– На самом деле, Дэвид, – регистратор пролистывает бумаги, – ты не стал заполнять альтернативную форму, и нам пришлось выбрать занятия вместо тебя. Но думаю, ты увидишь…

Разозленный парень вырывает расписание из рук регистратора и уходит. Упс! Похоже, это не ее ошибка. Я делаю шаг вперед и называю свое имя как можно более дружелюбным тоном, надеясь загладить впечатление от грубияна, который только что убежал. Регистратор широко улыбается в ответ:

– Я помню тебя, лапушка. Удачного первого дня. – Женщина протягивает мне половинку желтого листа.

Я задерживаю дыхание, просматривая список. Уф! Никаких сюрпризов. Английский для юниоров, матанализ, французский для начинающих, история Европы и что-то непонятное под названием La Vie.

После регистрации член совета обрисовывает мою будущую «жизнь». На уроки отведено столько же времени, сколько и для выполнения домашнего задания. Плюс иногда приглашенные преподаватели будут читать лекции о том, как заполнять чековые книжки, снимать апартаменты и печь киш[11]. Или о чем-нибудь еще подобном. Я почти испытываю облегчение от того, что мама позволила мне выбирать предметы. Один из приятных моментов этой школы заключается в том, что математику, науку и историю старшеклассникам изучать не обязательно. К сожалению, моя мать-пуританка не позволила мне закончить образование на год раньше, отучившись три года вместо четырех.

– Ты никогда не попадешь в нужный колледж, если станешь заниматься керамикой, – предупреждала она, хмуро глядя на мой список предполагаемых предметов.

Спасибо, мама. Отослать меня в другую страну, в город, знаменитый своими произведениями искусства, заставляя при этом опять заниматься математикой. Я поспешила к Мередит и Рашми, чувствуя себя пятым колесом в телеге, но ощущая и некоторую гордость оттого, что мы будем изучать одни и те же предметы. Мне везет.

– Три со мной и четыре с Раш! – Мередит отдает мне расписание обратно. Ее разноцветные кольца тихонько постукивают, сталкиваясь друг с другом.

Раш. Какое необычное прозвище. Они шепчутся о людях, которых я не знаю, и все мои мысли устремляются на другой край двора, где Сент-Клэр с Джошем дожидаются своей очереди. Интересно, есть ли у нас с ним общие занятия?

---

[11] Киш – открытый французский пирог с начинкой из взбитых яиц, сыра и других ингредиентов.

Я хочу сказать, *с ними.* Общие занятия с ними.

Дождь уже закончился, и Джош сильно бьет ногой по луже, брызги летят в Сент-Клэра. Сент-Клэр смеется, а потом они вместе заливаются хохотом. Внезапно я замечаю, что Сент-Клэр ниже Джоша ростом. Сильно ниже. Странно, что я не заметила этого раньше, просто он совсем не похож на коротышку. Большинство из них или очень робкие, или, наоборот, наглые и резкие. Может быть, что-то среднее. Но Сент-Клэр уверенный в себе, дружелюбный и…

– Ух ты, на что смотрим?

– Что?

Я оборачиваюсь, но Рашми обращается не ко мне. Она кивает головой в сторону Мередит, которая застыла с таким же глупым видом, как и я.

– Ты скоро дыру в голове у Сент-Клэра прожжешь. Как некрасиво!

– Заткнись, – шиплю я.

Но Мередит в ответ на мои слова лишь улыбается и пожимает плечами.

Что ж. Этого стоило ожидать. Как будто мне нужна была какая-то особая причина, чтобы не влюбляться. Парень мечты официально вне зоны доступа.

– Только ничего ему не говори, – просит Мередит. – Пожалуйста.

– Ну конечно, – отвечаю я.

– Потому что мы только друзья.

– Понятно.

Мы шатаемся без дела до тех пор, пока для вступительной речи не прибывает директриса школы. Она грациозна, словно балерина. У нее длинная шея, а снежно-белые волосы убраны в аккуратный пучок. Эта прическа ее ничуть не старит, скорее наоборот – делает более привлекательной. Женщина выглядит как истинная француженка, хотя я точно знаю, что она из Чикаго. Взгляд ее скользит по нашим рядам – сотня ее питомцев!

– Добро пожаловать! Поздравляю вас с началом нового учебного года в Американской школе в Париже. Я счастлива вновь видеть знакомые лица и еще более счастлива видеть лица новые.

Видимо, даже во Франции вступительные речи – это нечто незыблемое и неизменное.

– Студентов, поступивших в прошлом году, я прошу тепло поприветствовать своих одноклассников, а также новичков, которые поступили в школу в этом году.

Вежливые аплодисменты. Я оглядываюсь вокруг и с удивлением ловлю на себе взгляд Сент-Клэра. Он демонстративно смотрит в мою сторону. Я вспыхиваю и отворачиваюсь.

Директриса продолжает. Сосредоточься, Анна. Сосредоточься. Взгляд Сент-Клэра обжигает, словно солнце. На коже у меня выступает испарина. Я прячусь под одним из безукоризненно подстриженных деревьев. Чего он таращится? Он все еще смотрит? Думаю, да. Почему, почему, почему? Это значит, я ему нравлюсь, или не нравлюсь, или он просто так? Я не в силах поднять взгляд.

Но когда я наконец отваживаюсь это сделать, парень вообще на меня не смотрит. Он грызет свои ногти.

Директриса заканчивает речь, и Рашми тут же бросает нас, чтобы присоединиться к парням. Мы с Мередит отправляемся на английский. Преподавательница пока еще не пришла, и мы выбираем места подальше. Классная комната оказывается гораздо меньше, чем те, к которым я привыкла, внутри все отделано темными блестящими панелями, а окна размером с двери. Но парты здесь точно такие же, как у нас в Америке. И классная доска. И гигантская точилка для карандашей. Я стараюсь сосредоточиться на этих знакомых предметах, чтобы успокоить нервы.

– Тебе понравится профессор Коул, – говорит Мередит. – Она просто суперская и всегда выбирает для чтения самые лучшие книги.

– Мой отец пишет новеллы, – не задумываясь, ляпаю я и тут же жалею об этом.

– Правда? Кто он?

– Джеймс Эшли. – Это литературный псевдоним. Наверное, фамилия Олифант звучала недостаточно романтично.

– Кто?

Мое унижение становится почти невыносимым.

– «Решение». «Выход». По ним сняты фильмы. Ладно, забудь, там все названия такие же отвратительные…

Мередит с восторгом подается вперед:

– Да нет же, моя мама любит «Выход»!

Я шмыгаю носом.

– Не такие уж эти фильмы и плохие. Как-то раз я смотрела вместе с мамой «Выход» и чуть не разрыдалась, когда та девочка умерла от лейкемии.

– Кто это умер от лейкемии? – Рашми плюхается рядом со мной.

Сент-Клэр вальяжно входит следом за ней и садится напротив Мередит.

– Отец Анны написал «Выход», – говорит Мередит.

Я закашливаюсь.

– Я этим вовсе не горжусь.

– Прошу прощения, а что такое «Выход»? – спрашивает Рашми.

– Ну тот фильм, где мальчик помогает освободить девочку из лифта, а потом вырастает, и они влюбляются друг в друга, – рассказывает Мередит. Сент-Клэр облокачивается на спинку стула и берет ее расписание. – Но на следующий день после их помолвки у нее диагностируют рак крови.

– Отец везет ее к алтарю в кресле-каталке, – заканчиваю я. – А потом она умирает во время медового месяца.

– Уф! – одновременно выдыхают Сент-Клэр и Рашми.

Все смущены.

– А где Джош? – спрашиваю я.

– Он на предпоследнем курсе, – говорит Рашми так, словно мне это давно известно. – Мы отправили его на матанализ.

– О! – Наш разговор зашел в тупик. Прекрасно!

– Три занятия вместе. Дай-ка твое расписание. – Сент-Клэр наклоняется и берет мой листок. – О, французский для начинающих.

– Я же говорила.

– Не все так плохо. – Парень с улыбкой протягивает мне листок. – Читать меню на завтрак без моей помощи ты будешь еще до того, как освоишь этот курс.

Хм, может, я уже не горю желанием учить французский. Из-за парней девчонки начинают вести себя как идиотки.

– Бонжур, класс! – На сцену, прихлебывая кофе, поднимается женщина в открытом бирюзовом платье. Она очень молода, и у нее светлые волосы. Таких светлых волос у преподавателя я еще не видела. – Для…

Ее взгляд мечется по комнате и останавливается на мне.

Что? Что я такого сделала?

– Для единственного человека, который еще со мной не знаком, скажу, можете называть меня профессор Коул. – Женщина демонстративно делает реверанс в мою сторону, и класс разражается смехом.

Все оборачиваются, чтобы посмотреть.

– Привет, – едва слышно шепчу я.

Опасения подтвердились. Из двадцати пяти человек – учеников этого класса – новенькая здесь только я. А это значит, что одноклассники имеют передо мной преимущество, ведь все

они уже знакомы с учителями. Школа настолько маленькая, что каждый предмет ведет один и тот же преподаватель во всех четырех параллелях.

Интересно, кто же раньше был на моем месте? Возможно, кто-то поумнее меня. Кто-то с дредами и татушками в виде пин-ап телочек и связями в музыкальной индустрии.

– Я вижу, обслуживающий персонал снова проигнорировал мои пожелания, – говорит профессор Коул. – Все встают. Вы знаете, что делать.

Сразу я не подскакиваю, но, когда все начинают сдвигать парты, повторяю за остальными. Мы составляем их в большой круг. Так необычно видеть всех моих одноклассников одновременно. Я использую эту возможность, чтобы оценить публику. Не сказать чтобы я сильно выбивалась из общей массы, но джинсы, обувь и сумки моих соучеников гораздо дороже моих. Ребята выглядят как-то аккуратнее, ухоженнее.

Ничего удивительного. Моя мама ведет биологию в старших классах, так что у нас не особенно много свободных денег. Отец выплачивает ипотеку и помогает с оплатой остальных счетов, но этих денег недостаточно, а мама слишком горда, чтобы просить больше. Она говорит, что когда-нибудь отец вознаградит ее другим способом и просто купит новую стиральную машинку.

Возможно, мама права.

Остаток утра проходит как в тумане. Мне нравится профессор Коул, но и учитель по математике, профессор Бабино, тоже ничего. Он парижанин, смешно двигает бровями и плюется, когда говорит. Я не думаю, что это отличительная черта всех французов. Скорее математик просто шепелявит. Не так-то просто говорить с подобным акцентом.

Помимо прочего, я начала изучать французский. Профессор Жиллет также оказывается парижанкой. Понятно. Они всегда выбирают носителей языка для преподавания в иностранных классах. Мои учителя-испанцы вечно выпучивали глаза и восклицали: «Aye, dios mio!»[12], стоило мне поднять руку. А оттого, что я не могла осмыслить понятие, которое им казалось элементарным, впадали в полный ступор. И я перестала поднимать руку.

Как и предполагалось, на уроке французского одни новенькие. Среди них тот, который утром возмущался из-за расписания. Он представляется Дэйвом, и в его голосе звучит неподдельный энтузиазм и облегчение оттого, что он здесь не единственный старшеклассник.

Возможно, Дэйв все-таки неплохой парень.

В полдень огромная толпа ребят устремляется в столовую, и я вместе с ними. Обойдя основную очередь, я направляюсь прямо к кассе, набрав хлеба и фруктов из раздела «выбери сам», несмотря на то что паста благоухает просто восхитительно. Я просто слабачка. Я лучше умру от голода, чем попытаюсь сделать заказ на французском. «Qui, qui!»[13], – бормотала бы я, указывая на непонятные слова в меню. А потом шеф-повар протянул бы мне нечто отвратительное, и я вынуждена была бы купить это, сгорая от стыда. *Ну конечно, я хотела жареного голубя! Прямо как у Нанны.*

Мередит и ее друзья хохочут за тем же самым столиком, где сидели с утра. Я делаю глубокий вдох и присоединяюсь к ним, с облегчением отмечая, что никто не удивлен. Мередит спрашивает Сент-Клэра, не общался ли он со своей девушкой. Он сидит, вальяжно развалившись на стуле.

– Нет, мы встречаемся вечером.

– Ты видел ее летом? У нее уже начались занятия? Что она будет изучать в этом семестре?

[12] О господи! *(исп.)*

[13] Который, который *(фр.)*.

Мередит продолжает задавать вопросы об Элли, но Сент-Клэр отделывается короткими фразами. Джош и Рашми целуются; я почти вижу их языки, приходится вернуться к хлебу и винограду. Как целомудренно с моей стороны.

Виноградины гораздо меньше, чем я привыкла, и кожица у них слегка шершавая. Может, это грязь? Я макаю салфетку в воду и тру маленькие фиолетовые шарики. Это работает, хотя они по-прежнему слегка неровные. Хм… Сент-Клэр и Мередит замолкают. Я поднимаю глаза и натыкаюсь на их озадаченные взгляды.

– Что? – недоумеваю я.

– Ничего, – усмехается Сент-Клэр. – Заканчивай свои виноградные ванны.

– Они были грязные, – объясняю я.

– Ты хоть одну попробовала? – спрашивает Мередит.

– Нет, на них все еще эти грязные точечки. – Я показываю одну виноградину.

Сент-Клэр берет ее из моих пальцев и кладет себе в рот. Я, словно загипнотизированная, наблюдаю, как двигаются его губы и кадык.

Я озадачена. Как лучше поступить – отмыть виноград или оставить все как есть ради того, чтобы заслужить его одобрение?

Сент-Клэр с улыбкой берет другую виноградину:

– Открывай рот.

Я открываю.

Прежде чем попасть внутрь, виноградина задевает нижнюю губу и лопается во рту. Она оказывается настолько сочной, что я давлюсь и едва не выплевываю ее. Вкус очень интенсивный и такой сладкий, что больше напоминает конфетку, чем фрукт. Сказать, что я раньше не пробовала ничего подобного, значит ничего не сказать. Мередит и Сент-Клэр смеются.

– Подожди, ее нужно распробовать, как вино, – говорит Мередит.

Сент-Клэр наматывает полную вилку пасты.

– Итак, как прошел урок французского? – спрашивает он.

Такая резкая смена темы заставляет меня вздрогнуть.

– Профессор Жиллет меня пугает. Она постоянно хмурится…

Я откусываю кусочек багета. Корочка хрустит, но внутри хлеб мягкий и упругий. О боже. Я запихиваю в рот еще кусочек.

Мередит выглядит задумчивой.

– Она может пугать поначалу, но, когда вы познакомитесь поближе, ты убедишься, что она очень хорошая.

– Мередит – ее лучшая ученица, – сообщает Сент-Клэр.

Рашми отлипает от Джоша, который явно изумлен притоком свежего воздуха.

– Мер делает успехи во французском и в испанском, – добавляет она.

– Может, ты побудешь моим репетитором? – обращаюсь я к Мередит. – Языки мне даются отвратительно. Здесь закрыли глаза на мои оценки по испанскому лишь потому, что директриса любит читать тупые новеллы моего папеньки.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Мередит.

Я округляю глаза:

– Она упоминала это несколько раз во время телефонного разговора. – Постоянно спрашивала о том, как продвигаются съемки «Маяка». Словно отец что-то говорит по этому поводу. Или мне есть до этого дело. Она и не предполагает, что я могу предпочитать несколько иные фильмы, чуть более интеллектуальные, к примеру.

– Мне нравится итальянский, – говорит Мередит. – Но здесь его не преподают. Я хочу в следующем году поступать в колледж в Риме. Или в Лондоне. Возможно, я могла бы учить его там.

– Разве итальянский не лучше изучать в Риме? – спрашиваю я.

– Ну, да. – Мередит украдкой бросает взгляд на Сент-Клэра. – Но мне всегда нравился Лондон.

Бедная Мер. Ее дела совсем плохи.

– А ты чем хочешь заниматься? – спрашиваю я Сент-Клэра. – Куда будешь поступать?

Он пожимает плечами. Так медленно, лениво, удивительно по-французски. Точно так же сделал официант вчера вечером, когда я спросила, есть ли у них пицца.

– Не знаю. Это зависит… Хотя мне нравится история. – Парень наклоняется вперед, словно хочет поделиться интимным секретом. – Я всегда мечтал быть одним из тех типов, у которых берут интервью на Би-би-си или Пи-би-эс[14]. Ну знаешь, с умопомрачительными бровями и замшевыми заплатками на локтях.

Прямо как я! Ну что-то вроде того.

– Я тоже хочу, чтобы меня показывали по каналу с классическими фильмами, где мы обсуждали бы Хичкока и Капру[15] с Робертом Осборном, – признаюсь я. – Он там ведет большую часть программ. Я хочу сказать, он, конечно, старый пижон, но все-таки крутой. И знает *просто все* о кино.

– Правда? – В голосе парня слышится неподдельный интерес.

– Голова Сент-Клэра забита совсем другим. Его интересуют исключительно учебники по истории размером с энциклопедию, – вклинивается в разговор Мередит. – Поэтому выманить из комнаты его крайне тяжело.

– Поэтому там вечно торчит Элли, – сухо замечает Рашми.

– Кто бы говорил! – Сент-Клэр кивает в сторону Джоша. – Особенно если вспомнить… Анри.

– Анри! – повторяет Мередит, и оба смеются.

– Один-единственный чертов день, но ты никогда не устанешь мне о нем напоминать. – Рашми косится на Джоша, но тот занят пастой.

– Кто такой Ан-ри? – Я пытаюсь правильно произнести имя.

– Один экскурсовод, с которым мы познакомились на втором курсе, во время поездки в Версаль, – отвечает Сент-Клэр. – Маленький, тощий заморыш, но Рашми бросила нас в Зеркальной галерее и побежала к нему…

– Ничего подобного! – Рашми в возмущении всплескивает руками.

Мередит качает головой:

– Они обжимались весь день. На глазах у всех.

– Вся школа два часа ждала их в автобусе из-за того, что Рашми забыла, в какое время мы уезжаем, – добавляет Сент-Клэр.

– И вовсе не два часа… – не сдается Рашми.

– Профессор Хансон в конце концов обнаружил ее под каким-то кустом в саду, и вся шея у нее была в следах от укусов, – заканчивает Мередит.

– В следах от укусов! – прыскает Сент-Клэр.

Рашми фыркает:

– Заткнись, Английский язычок.

– А?

– Английский язычок, – смеется девушка. – Так мы стали называть тебя после того захватывающего представления, которое вы с Элли устроили на уличной ярмарке прошлой весной.

Сент-Клэр пытается протестовать, но смех получается неестественно громким. Мередит и Рашми прекращают перебранку, но… Я уже потеряла нить разговора. Я думаю о том, как

---

[14] Пи-би-эс (Паблик бродкастинг сервис) – Государственная служба телевещания (США).

[15] Франческо Росарио Капра – известный американский кинорежиссер и продюсер.

теперь целуется Мэтт. И возможно ли, что, попрактиковавшись, он стал целоваться лучше? Может, это из-за меня он так плохо целовался?

О нет.

Я плохо целуюсь. Наверняка дело во мне.

Однажды мне вручат статуэтку в форме губ, на которой будет выгравировано: «Худшая в мире девушка для поцелуев». И Мэтт скажет речь о том, как, доведенный до отчаяния, начал встречаться со мной, холодной и неприступной. И в итоге лишь зря потратил время, не подозревая, что все эти дни по нему сохла вполне доступная Черри Миликен. А что она доступная – знают все.

О боже! Неужели Тоф тоже считает, что я плохо целуюсь?

Это было всего один раз. В последнюю перед отлетом во Францию смену в летнем лагере. Время тянулось медленно, и мы почти весь вечер просидели в лобби одни. К тому же это была наша последняя встреча перед расставанием. На целых четыре месяца. Возможно, нам казалось, что это наш последний шанс. Как бы то ни было, мы вели себя безрассудно. Отчаянно храбро. Флиртовали весь вечер напролет, и к тому моменту, когда нужно было возвращаться домой, мы уже не могли разойтись просто так. Поэтому… мы продолжили разговор.

А потом Тоф признался, что будет по мне скучать.

И поцеловал меня.

А потом я ушла.

– Анна? С тобой все в порядке? – спрашивает меня кто-то из друзей.

Все за столом смотрят на меня.

Не плачь. Не плачь. Не плачь.

– Мм… А где здесь туалет?

Туалет – моя любимая отговорка в любой ситуации. Стоит о нем упомянуть, и все расспросы тут же прекращаются.

– Туалеты дальше по коридору. – Сент-Клэр смотрит на меня с недоверием, но не отваживается задать вопрос. Возможно, он боится, что я начну рассказывать про впитывающие способности тампонов или упомяну страшное слово на букву «М».

Остаток ланча я просиживаю в туалете. И до боли скучаю по дому. Голова гудит, живот крутит, все кажется ужасно неправильным. Я никогда не просила посылать меня сюда. У меня была своя жизнь… Я бы предпочла, чтобы родители предоставили мне выбор: где бы я хотела учиться последний год – в Атланте или в Париже?

Кто знает? Возможно, я бы выбрала Париж.

О чем мои родители никогда не задумывались, так это о том, что я хочу иметь право выбора.

Глава пятая

Кому: Анна Олифант ‹bananaelephant@femmefilmfreak.net›
От кого: Бридж Сондервик‹bridgesandwich@freebiemail.com›
Тема: Не оборачивайся, но…

… нижний правый угол твоей постели не заправлен. ХА! А вот и обернулась. И прекрати разглаживать невидимые морщинки. Серьезно. Как там во «Французской академии»? Красавчики есть? Кстати, о красавчиках. Угадай, с кем мы ходим на матанализ? С Дрю! Он перекрасил волосы в черный и сделал пирсинг, проколол губу. И он просто callipygian[16] *(загляни в словарь, ленивая попа). За ланчем я сижу на том же месте, но без тебя все не то. Не считая этой ненормальной Черри. Она постоянно встряхивает волосами, и клянусь, мне уже слышится, как ты напеваешь рекламу «ТРЕСемме». Я возьму у Шона фигурку Дарта Мола и выколю себе глаза, если она будет сидеть с нами каждый день. Между прочим, твоя мама просила меня присмотреть за ним после школы, так что я лучше пойду. Не хочу, чтобы он погиб по моей вине.*

Ты поганка. Возвращайся домой.

Бридж

P. S. Завтра объявят лидеров секций в группе. Пожелай мне удачи. Если мое место отдадут Кевину Квиггли, тогда фигурка Дарта Мола выколет глаза ЕМУ.

Callipygian. Имеющий идеальные ягодицы. Мило, Бридж.

Моя лучшая подруга просто словесный маньяк. Одно из ее самых ценных приобретений – Оксфордский словарь английского языка, который она купила два года назад практически за бесценок на распродаже бэушных вещей. Этот словарь включает двадцать томов, в которых не только даются определения, но и описывается происхождение каждого слова. Бридж постоянно бравирует умными словечками, ей нравится наблюдать за тем, как люди пытаются выкрутиться, делая вид, будто все понимают. Но я уже давно перестала играть в эти игры. Хотя подружка все равно каждый раз пытается меня поддеть.

Итак, Бридж коллекционирует слова и, по-видимому, события моей жизни.

Поверить не могу, что мама наняла ее Шону в няньки. Конечно, раньше мы присматривали за Шоном вместе, так что это неплохой выбор, и все же… Странно, что она там одна, без меня. Разговаривает с моей мамой, в то время как я застряла здесь, на другом конце света.

В следующий раз Бридж расскажет мне о том, что устроилась на вторую работу, в кинотеатр.

Кстати говоря, Тоф за два дня так и не прислал мне ни одного письма. Не то чтобы я ждала, что он будет писать мне каждый день или хотя бы каждую неделю, но между нами определенно что-то было. Я имею в виду, мы целовались. Неужели это чувство, чем бы оно ни было, закончилось теперь, когда я здесь, во Франции?

Настоящее имя Тофа – Кристофер, но он терпеть не может, когда его называют Крисом, поэтому откликается на Тофа. У него нереально зеленые глаза и обалденные бакенбарды. Мы оба левши, оба любим сырные начос, которые обычно продают на стойках у входа в магазин, и ненавидим Кьюбу Гудинга-младшего. Я втрескалась в Тофа в первый же день, когда он засунул

[16] Callipygian – в переводе с греческого «имеющий совершенную форму ягодиц».

голову под сосок автомата с мороженым и стал жадно трескать его прямо оттуда, просто чтобы меня рассмешить. До конца дня Тоф проходил с голубым ртом. Не каждый решится выставить на всеобщее обозрение синие зубы. Но поверьте мне, Тоф может.

Я проверяю «входящие письма» – просто на всякий случай, – ничего нового. Несколько часов я сижу перед экраном компьютера в ожидании, пока Бридж вернется из школы. Я рада, что она мне написала. Мне почему-то хотелось, чтобы она написала первой. Возможно, для того, чтобы подруга решила, будто я так счастлива и занята, что у меня совершенно нет времени на болтовню. На самом деле мне грустно и очень одиноко.

И хочется есть. В мини-холодильнике пусто.

Я ходила в столовую на обед, но опять не стала становиться в очередь, решив наесться хлебом. Возможно, утром Сент-Клэр снова закажет мне завтрак. Или Мередит. Уверена, она не откажется помочь.

Я отвечаю Бридж, рассказываю о моих новых знакомых, умопомрачительной столовке с едой, как в ресторане, и гигантском Пантеоне. А потом, вопреки собственному желанию, пишу про Сент-Клэра, упоминая, как на физике он перегнулся через Мередит, чтобы одолжить у меня ручку как раз в тот момент, когда профессор Уэйкфилд определял, кто с кем будет делать лабораторки. Учитель подумал, что мы сидим рядом, и теперь мы с Сент-Клэром партнеры по лабораторным на ВЕСЬ ГОД.

Это лучшее, что случилось со мной за день.

Еще я рассказываю Бридж о таинственном уроке под названием «Жизненные навыки», La Vie, о котором мы гадали все лето. (Я: «Спорим, там будут обсуждать Большой взрыв и смысл жизни». Бридж: «Дурочка, вас, наверное, будут учить дыхательной гимнастике и способам сжигания калорий».) Но сегодня мы просто тихо сидели и делали домашку.

Какая жалость.

Урок я провела за чтением первой заданной по английскому книги. И вау! Вдруг осознала, что действительно нахожусь во Франции. Потому что в книге «Как вода для шоколада» описывается секс. МНОГО секса. Женщина настолько вожделеет мужчину, что в доме начинается пожар, а потом солдат сажает ее обнаженную на коня, и в конце концов они уносятся вдаль, занимаясь «этим» прямо на скаку. В Библейском поясе[17] никто не позволил бы такое читать. Самое развратное, что мы читали, – это «Алая буква» Натаниэля Готорна.

Я обязательно должна рассказать Бридж об этой книге.

Письмо я заканчиваю почти в полночь, но в коридоре до сих пор шумно. Свободу старшеклассников никто не ограничивает, поскольку предполагается, что мы достаточно взрослые и умеем ею распоряжаться. В себе-то я уверена, но вот в одноклассниках не очень. У моего соседа напротив возле двери высится целая пирамида пивных бутылок – в Париже шестнадцатилетним разрешается пить вино и пиво. А вот крепкие напитки только после восемнадцати.

Конечно, я прекрасно вижу, что творится вокруг.

Интересно, когда мама подписывалась на все это, она осознавала, что я могу здесь пить на законных основаниях? Когда об этом упомянули на семинарах по жизненным навыкам, мама была сильно удивлена и вечером за ужином прочитала мне длинную лекцию об ответственности. Но я не собираюсь напиваться. Мне всегда казалось, что пиво воняет как моча.

На проходной работает несколько человек, все на полставки, а вот смотритель в общежитии только один. Его зовут Нейт, и комната у него на первом этаже. Он учится в аспирантуре одного из близлежащих университетов. Должно быть, ему хорошенько приплачивают за то, что он с нами живет.

---

[17] Библейский пояс – регион в Соединенных Штатах Америки, где одним из основных аспектов культуры является евангельский протестантизм.

Нейту двадцать с небольшим, он небольшого роста, бледнокожий и гладко бреется. Звучит дико, но выглядит он весьма привлекательно. У него вкрадчивый голос, и он как будто бы неплохой слушатель, однако в его тоне всегда сквозит серьезность. С таким шутки плохи. Моим родителям он понравился. А еще рядом с его дверью стоит емкость с презервативами.

Не уверена, что родители это заметили.

Ребята с первого и второго курсов живут в другом здании. Комнаты у них рассчитаны на несколько человек, мальчики и девочки живут на разных этажах, и всегда под присмотром. Кроме того, у них действует комендантский час. У нас его нет. Мы лишь должны расписываться по вечерам в журнале, отмечая время прихода и ухода, чтобы Нейт знал, что мы все еще живы. Да уж. Уверена, никто ни разу не пренебрег этими мерами безопасности.

Я медленно иду по коридору в ванную комнату. Занимаю свое место в очереди – здесь всегда очередь, даже в полночь, – за Амандой, девочкой, которая приставала к Сент-Клэру за завтраком. Она ухмыляется, разглядывая мои выцветшие джинсы и винтажную оранжевую футболку.

Не знала, что она живет на моем этаже. Супер!

Мы молчим. Я вожу пальцами по цветочному узору на обоях. Дворец Ламберт – это специфическая смесь парижского шика и подростковой практичности. Благодаря хрустальным светильникам коридоры заливает золотистое сияние, но в спальнях гудят флуоресцентные лампы. На полу глянцевый паркет, но коврики – промышленная штамповка. Лобби украшают свежие цветы и лампы Тиффани, но вместо кресел жалкие диванчики на двоих, а на столах нацарапаны инициалы и неприличные слова.

– Так вот кто у нас новый Брэндон, – говорит Аманда.

– Что, прости?

– Брэндон. Двадцать пятый. Его исключили из школы в прошлом году – учитель обнаружил у него в сумке кокс. – Аманда окидывает меня хмурым взглядом еще раз:– Так откуда ты?

Я понимаю, что девушка имеет в виду на самом деле. Аманда хочет знать, с какой стати на его место взяли кого-то вроде меня.

– Из Атланты.

– О! – говорит она таким тоном, словно это объясняет мою полнейшую провинциальность. Да пошла она! Атланта – один из самых больших городов в Америке. – Вы с Сент-Клэром так мило общались за завтраком.

– Гм…

Неужели она меня боится?

– Но я бы твоем месте не питала иллюзий, – продолжает Аманда. – Ты не настолько хороша, чтобы он бросил ради тебя свою девушку. Они будут вместе *всегда*.

Это был комплимент? Или нет? Манера Аманды делать ударение на отдельных словах реально действует мне на нервы. (Мои *нервы*!)

Аманда делано зевает:

– Интересная прическа.

Я застенчиво касаюсь волос:

– Спасибо. Подруга мелировала.

На прошлой неделе Бридж сделала в моих темно-каштановых волосах светлую прядку. Обычно я убираю ее за правое ухо, но сегодня вечером волосы собраны в конский хвост.

– Тебе нравится? – спрашивает Аманда традиционным для стерв тоном. Лучше бы сразу сказала: «Как отвратительно».

Я опускаю руку:

– Ну да. Поэтому я ее и сделала.

– Знаешь, я бы заколола ее, как раньше. Так ты похожа на *скунса*.

– По крайней мере, от нее не воняет, как от некоторых.

Рядом появляется Рашми. Она заходила к Мередит, я слышала за стеной их приглушенные голоса.

– Чудесные духи, Аманда. В следующий раз надушись посильнее. А то в Лондоне тебя еще не везде почуяли.

– Милые *очки,* – рычит Аманда в ответ.

– Хорошие, – невозмутимо подтверждает Рашми, но я вижу, что она задета.

Ногти у нее того же цвета электрик, что и оправа очков.

Рашми поворачивается ко мне:

– Я живу двумя этажами выше, комната номер шестьсот один. Заходи, если что-нибудь понадобится. Увидимся за завтраком.

Значит, она меня не ненавидит! А может, просто больше ненавидит Аманду. Так или иначе, я испытываю благодарность и кричу «Пока!» вслед удаляющейся фигурке. Рашми машет мне рукой и врезается в Нейта возле лестницы. Он приветствует нас в своей тихой, дружелюбной манере:

– Готовитесь ко сну, леди?

Аманда приветливо улыбается:

– Конечно.

– Вот и славно. Первый день прошел хорошо, Анна?

Так непривычно, что все уже знают мое имя.

– Да. Спасибо, Нейт.

Он кивает, как будто я сказала что-то умное, желает нам спокойной ночи и направляется к парням, болтающим в другом конце коридора.

– Ненавижу, когда он так делает, – говорит Аманда.

– Делает что?

– Нянчится с нами. Как идиот какой-то.

Дверь ванной комнаты открывается, и маленькая рыжуля проскакивает мимо Аманды, которая остается стоять, словно Королева Порога. Похоже, девочка с предпоследнего курса. Не помню, чтобы видела ее во время урока английского.

– Боже, тебя там что, прорвало? – спрашивает Аманда.

Бледная кожа девушки розовеет.

– Она просто сходила в туалет, – говорю я.

Аманда скользит по плитке – пушистые фиолетовые тапочки шлепают по пяткам – и резко дергает на себя дверь:

– Думаешь, меня это волнует, скунсик?

Глава шестая

Всего неделя в школе, но я уже с головой окунулась в причуды международного обучения.

В учебном плане профессора Коул нет Шекспира и Стейнбека, вместо них мы изучаем неанглоязычных писателей. Каждое утро у нас завязываются дискуссии на самые разные темы, словно это собрание книжного клуба, а не скучный обязательный урок. Так что с английским все прекрасно.

Однако моя преподавательница французского явно некомпетентна. Как еще объяснить тот факт, что, несмотря на название нашего учебника «Французский, первый уровень», профессор Жиллет настаивает на том, чтобы мы говорили только на французском? Она вызывает меня по десять раз на дню, и я никогда не знаю ответа.

Дэйв прозвал ее мадам Гильотина. В яблочко.

Он уже выбирал этот класс раньше, а значит, курс полезен, но, видимо, не настолько, раз Дэйв завалил первый же экзамен. У Дэйва лохматые волосы, пухлые губы и темная кожа с веснушками – необычное сочетание. Несколько девочек втрескались в него по самые уши. Мы вместе ходим на историю. Мне приходится заниматься с предпоследним курсом, поскольку выпускники обычно выбирают «Основы государства», а я уже их уже прошла. Так что мое место теперь между Дэйвом и Джошем.

В классе Джош тихий и сдержанный, но, едва переступив порог, он начинает юморить похлеще Сент-Клэра. Понятно, почему они такие закадычные друзья. Мередит говорит, они боготворят друг друга: Джош Сент-Клэра за природную харизму, а Сент-Клэр Джоша за редкий художественный дар. Джош нечасто ходит куда-то без альбома и кисти. Его работы невероятны – толстые уверенные мазки и мелкие, тщательно прорисованные детали, – пальцы Джоша всегда измазаны краской.

Но самое интересное начинается после уроков. Об этом никто не пишет в глянцевых буклетах. Дело в том, что поступить в школу-пансион – это все равно что поселиться в обычной средней школе. Отсюда нельзя уйти. Даже в спальне я постоянно «наслаждаюсь» грохотом поп-музыки, шумом стиральных машинок и пьяными воплями танцующих на лестничной площадке. Мередит утверждает, что все устаканится, как только юниоры немного попривыкнут, но я не слишком в это верю.

И тем не менее…

Сегодня пятничный вечер, и в общежитии пусто. Мои соученики совершают набеги на бары, а я впервые наслаждаюсь тишиной. Если закрыть глаза, кажется, будто я дома. Не считая оперного пения. В ресторанчике напротив почти каждый вечер выступает оперная дива. Для обладательницы столь сильного голоса она на удивление миниатюрная. И еще она зачем-то выщипывает брови, после чего рисует их карандашом. Словно статист из «Шоу ужасов Рокки Хоррора».

Когда звонит Бридж, я, уютно устроившись на кровати, смотрю «Академию Рашмор» Уэса Андерсона. Уэс – настоящий режиссер, просто удивительно, как он успевает следить на съемках абсолютно за всем. Его стиль просматривается в любом кадре, ему подвластны и самые серьезные, и самые смешные моменты… «Академия Рашмор» – один из моих любимых фильмов. Речь там идет про подростка Макса Фишера, который настолько погружен в свои увлечения, что его решают отчислить из школы. Какой стала бы моя жизнь, если бы я настолько же сильно увлеклась внеклассной деятельностью АШП[18], как Макс – своими занятиями в Академии Рашмор? Уж наверное я бы не сидела в спальне, намазавшись белым кремом от прыщей.

– Ан-н-н-уууук, – раздается крик Бридж. – Я нее-на-вии-жуу их.

[18] АШП *(сокр.)* – Американская школа в Париже.

Значит, место лидера ей не досталось. Глупо, если учесть, что она самая талантливая барабанщица в школе. Это все знают. Препод выбрал Кевина Квиггли, решив, что другие парни-барабанщики не будут воспринимать Бридж как лидера… потому что она девчонка.

Ну, теперь-то точно не будут. Идиот.

Бридж возненавидела свою группу, своего инструктора и придурка Кевина с гипертрофированным эго.

– Подожди, – говорю я. – Скоро ты станешь новой Меган Уайт или Шейлой Е., и Кевин Квиггли будет хвастаться тем, что когда-то давным-давно вы были знакомы. И поджидать тебя после шоу, ожидая специального приглашения, чтобы пройти за кулисы, а ты сможешь продефилировать мимо, ни разу не оглянувшись.

В ее голосе слышится смешок.

– Зачем ты меня бросила и уехала, Банана?

– Потому что мой отец – кусок дерьма.

– Причем чистокровный, детка.

Мы болтаем до трех ночи, поэтому на следующий день мне удается разлепить глаза лишь ближе к полудню. С трудом встаю и одеваюсь – нужно успеть до закрытия столовой. Поздний завтрак там бывает только по выходным. Когда я наконец прихожу, в столовой тихо, но Рашми, Джош и Сент-Клэр сидят за своим обычным столиком.

На душе тяжело. Всю неделю ребята дразнили меня за то, что я не отваживалась сделать заказ. Я придумывала отговорки («у меня аллергия на говядину», «нет ничего вкуснее хлеба», «равиоли не такие уж и вкусные»), но нельзя же делать это вечно. За стойкой снова месье Бутен. Я хватаю поднос и делаю глубокий вдох:

– Бонжур, мм… суп? Сопа? Силь ву пле?

«Привет» и «пожалуйста». Первым делом я выучила эти слова в надежде, что французы простят мне за это катастрофические пробелы в знании их прекрасного языка. Я показываю на чан с оранжево-красным супом. Похоже на мускатную тыкву. Пахнет необычно – осенью и шалфеем. Сейчас начало сентября, но погода пока стоит теплая. Интересно, когда в Париже начинается листопад?

– Ах! Суп, – мягко поправляет месье Бутен.

– Си, суп. То есть ви. Ви! – Мои щеки горят. – И… мм, уф… куриная салатная с зеленой фасолью штуковина?

Месье Бутен смеется, словно Санта-Клаус, весело и раскатисто. И трясется, как желе.

– Цыпленок и харикос вэрс, ви. Знаете, вы мошете говорить со мной по-онглийски. Я понимать тебя оч-чень хорошо.

Мой румянец становится ярче. Ну конечно, в Американской школе должны говорить по-английски. А я пять дней перебивалась этими дурацкими грушами и багетом.

Месье Бутен протягивает мне миску супа и маленькую тарелку с куриным салатом, и в животе урчит при виде горячей еды.

– Мерси, – говорю я.

– Де рьен. Добро пошаловать. И надеюсь, вы больше не станете избегать меня! – Месье Бутен прикладывает руку к сердцу, словно убит горем.

Я улыбаюсь и качаю головой. Теперь я умею это делать. Я умею. Я уме…

– ЭТО ОКАЗАЛОСЬ НЕ ТАК УЖ И СТРАШНО, ДА, АННА? – кричит Сент-Клэр на всю столовую.

Я резко оборачиваюсь и показываю ему средний палец, надеясь, что месье Бутен этого не заметит. Сент-Клэр усмехается и отвечает мне по-британски, растопыривая указательный и средний палец буквой «v». Месье Бутен что-то ворчит за моей спиной. Я беру поднос с едой и сажусь рядом с Сент-Клэром:

– Спасибо. А то я и забыла, как отшивают по-английски. В следующий раз буду использовать правильный жест.

– Всегда рад помочь.

На Сент-Клэре та же одежда, что и вчера: джинсы и поношенная футболка с силуэтом Наполеона. Когда я спросила его об этом принте, он пояснил, что Наполеон его герой.

– И вовсе не потому, что он был скромным и застенчивым малым, как ты можешь подумать. Наполеон был гадом. Но таким же крутым гадом, как и я.

Интересно, возможно ли, что Сент-Клэр ночевал у Элли и поэтому не переоделся. Каждый вечер он ездит на метро в ее колледж и остается там. Рашми и Мер уже думают, что Элли, наверное, совсем зазналась, раз не хочет с ними общаться.

– Знаешь, Анна, – говорит Рашми, – большинство парижан понимают по-английски. Так что тебе нечего стесняться.

Да. Очень своевременно. Спасибо.

Джош кладет руки за голову и откидывается на стуле. Рукав рубашки поднимается, обнажая татуировку на правом предплечье: череп и скрещенные кости. Судя по толстым штрихам, это его собственный дизайн. Черная краска на бледной коже сразу привлекает внимание. Офигенное тату, хотя на длинной, тощей руке оно смотрится комично.

– Так и есть, – подтверждает он. – Я вообще едва говорю по-французски, но все прокатывает.

– Тут нечем гордиться.

Рашми морщит нос, и Джош наклоняется, чтобы поцеловать ее.

– Боже, опять начинается. – Сент-Клэр гладит себя по голове и закатывает глаза.

– Они что, всегда так? – шепчу я.

– Нет. В прошлом году было гораздо хуже.

– Ой! И давно они вместе?

– С прошлой зимы?

– Это приличный срок.

Сент-Клэр пожимает плечами, и я замолкаю, спрашивая себя, хочу ли узнать ответ на свой следующий вопрос. Наверное, нет, но я все равно его задаю:

– А давно ты встречаешься с Элли?

Сент-Клэр на мгновение задумывается.

– Почти год.

Он делает глоток кофе – кажется, тут его пьют все – и со стуком опускает чашку на стол, испугав Рашми и Джош а.

– Ох, простите, – говорит он. – Я вам не помешал?

Повернувшись ко мне, Сент-Клэр недовольно сверкает карими глазами. У меня перехватывает дыхание. Он прекрасен даже в гневе. Тоф ему и в подметки не годится. Это какой-то особый вид привлекательности. Прямо-таки неземной.

– Давай сменим тему… – Он указывает на меня пальцем. – Мне казалось, южные девушки должны говорить с южным акцентом.

Я качаю головой:

– Только если говорю с мамой. И то лишь потому, что мама сама говорит с акцентом. Но большинство жителей Атланты говорят как все. Урбанизация. Хотя мы част о используем негритянский жаргон, – в шутку добавляю я.

– Канечна, – отвечает Сент-Клэр по-английски.

Я выплевываю оранжево-красный суп прямо на стол. Сент-Клэр выдает нечто вроде «ха-ха», но звучит это отнюдь не весело, а я смеюсь до тех пор, пока в животе не начинает колоть. Сент-Клэр протягивает мне салфетку, чтобы вытереть подбородок.

– Канечна, – торжественно повторяет он.

Я закашлялась от смеха.

– Пожалуйста, не останавливайся. Это так… – я набираю воздуха, – забавно.

– Зря ты это сказала. Теперь придется приберечь свой акцент для особых случаев.

– У меня день рождения в феврале. – Кашель переходит в сипение. – Не забудь, пожалуйста.

– А у меня был вчера, – смеется Сент-Клэр.

– Не может быть.

– Нет, правда.

Парень вытирает остатки супа со стола.

Я пытаюсь забрать у него салфетки, но он отпихивает мою руку.

– Так и есть, – говорит Джош. – Я забыл, чувак. С прошедшим днем рождения.

– Неужели у тебя правда был день рождения? Почему же ты ничего не сказал?

– Я серьезно. Вчера мне исполнилось восемнадцать. – Сент-Клэр пожимает плечами и бросает салфетки на пустой поднос. – В моей семье не принято печь торты и надевать праздничную одежду.

– Но в день рождения торт должен быть обязательно, – возражаю я. – Так принято. Это ведь самый лучший день в жизни.

Я вспоминаю, как прошлым летом мы вместе с мамой и Бридж испекли для Шонни торт. Лимонно-зеленый торт в виде головы мастера Йоды из «Звездных войн». Бридж даже купила сахарную вату, чтобы воспроизвести его волосатые уши.

– Вот поэтому я ничего и не сказал.

– Но ведь вчера вечером ты делал что-нибудь необычное? Я имею в виду, Элли наверняка куда-нибудь тебя вытащила?

Сент-Клэр берет чашку с кофе и тут же ставит ее обратно на стол, не сделав ни глотка.

– В моем дне рождения нет ничего особенного. И я совершенно спокойно к этому отношусь. Честное слово, я не нуждаюсь в торте.

– Ладно, ладно. Хорошо. – Я примирительно поднимаю руки. – Не буду желать тебе счастливого дня рождения. И даже счастливой прошедшей пятницы.

– О, счастливой пятницы можешь пожелать. – Сент-Клэр улыбается. – Против пятниц ничего не имею.

– Кстати о пятницах, – вмешивается Рашми. – Почему ты не пошла с нами вчера вечером?

– У меня были планы. Я общалась с Бридж, моей подругой.

Все трое смотрят на меня в ожидании продолжения.

– По телефону.

– Но ты ведь выходила куда-то на этой неделе? – спрашивает Сент-Клэр. – Я имею в виду за территорию школы?

– Конечно.

Так оно и было. Выходила, чтобы добраться до других построек школьного городка.

Сент-Клэр поднимает брови:

– Врушка.

– Позволь уточнить. – Джош складывает руки в молитвенном жесте. Пальцы у него такие же худые, как и все остальное, а на указательном – черное пятно от краски. – Ты живешь в Париже уже неделю и до сих пор не бывала в городе? Хотя бы в одной его части?

– Мы гуляли с родителями в прошлые выходные. Я видела Эйфелеву башню. Издалека.

– С родителями, золотце. И какие у тебя планы на сегодняшний вечер? – спрашивает Сент-Клэр. – Постирать белье? Сходить в душ?

– Эй! Нельзя недооценивать важность гигиены.

Рашми хмурится:

– И где ты собираешься есть? Столовая будет закрыта.

Ее забота трогает меня до глубины души, но я сомневаюсь, что она предложит мне присоединиться к ним с Джошем. Не то чтобы я хотела пойти с ними. К тому же в обед я собиралась совершить набег на местный автомат с едой. Выбор там небольшой, но я, по крайней мере, понимаю, как он работает.

– Так я и думал, – говорит в ответ на мое молчание Сент-Клэр и качает головой.

В его темных волосах я замечаю несколько спутанных прядей. У меня перехватывает дыхание. Если бы в Олимпийские игры включили соревнования по волосам, Сент-Клэр разбил бы любого противника в пух и прах. Сплошные десятки. Золотая медаль.

Я пожимаю плечами:

– Какая-то неудачная неделя. Но ничего страшного.

– Давай перечислим факты еще раз, – говорит Джош. – Это твои первые выходные вне дома?

– Да.

– Первые выходные без родительского присмотра?

– Да.

– Первые выходные без родительского ока в Париже?! И ты хочешь провести их в спальне? Одна?

Они с Рашми обмениваются полными жалости взглядами. Я поворачиваюсь к Сент-Клэру в поисках поддержки и обнаруживаю, что он внимательно разглядывает меня, слегка наклонив голову.

– Что? – раздраженно восклицаю я. – У меня суп на подбородке? Или зеленая фасоль застряла между зубами?

Сент-Клер молча улыбается.

– Мне нравится эта прядь, – в конце концов отвечает он. А потом протягивает руку и осторожно касается моих волос: – У тебя восхитительные волосы.

Глава седьмая

Любителям потусоваться пришлось уйти из общежития. Я обновляю свой веб-сайт, параллельно закусывая едой из торгового автомата. Мне удалось найти немного: батончик «Баунти», который на вкус ничем не отличается от «Маундс», и пакетик черствых мадленок, от которых хочется пить. От поглощения этих сладостей уровень сахара поднялся до отметки, на которой можно работать.

Поскольку новых фильмов на рецензии для «Киноманки» у меня нет (меня отрезали от самого лучшего, чистого и прекрасного, что есть в Америке, – от кинематографа), я занимаюсь проектированием сайта. Создаю новый баннер. Редактирую старый обзор. Вечером Бридж пишет:

> *Вчера вечером ходила в кино с Мэттом и Черри М. (она показушница). Встретили Тофа. И угадай – что? Тоф спросил о тебе!! Я ответила, что у тебя все прекрасно, но ты ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ ждешь декабрьских каникул. Думаю, намек он понял. Мы немножко поболтали о его группе (концертов, конечно, пока они не дают), но Мэтт все время корчил ему рожи, поэтому нам пришлось уйти. Ты же знаешь, какого он мнения о Тофе. О, кстати! Черри пыталась уговорить нас сходить на последнюю слезовыжималку твоего отца. ДА, ЗНАЮ. Ты засранка. Возвращайся домой.*
> *Бридж*

Показушница. Внешне привлекательная, но насквозь фальшивая. Да! Это про Черри. Надеюсь, Бридж была тактична и не слишком активно наседала на Тофа, пытаясь заставить его написать мне письмо. Не могу поверить, что он все так же бесит Мэтта, несмотря на то что мы больше не вместе. Тофа любят все. Впрочем, иногда он раздражает менеджеров, но это потому, что частенько забывает о своих обязанностях. А потом сообщает им по телефону, что заболел.

Я перечитываю письмо, выискивая нечто вроде: «Тоф говорит, что по уши втрескался в тебя и готов ждать целую вечность». Естественно, ничего не нахожу. Тогда я начинаю листать свою любимую ленту новостей, чтобы посмотреть, что там пишут про новый папин фильм. Рецензии на «Решение» не слишком хорошие, хотя деньги на нем гребут лопатой. Один постоянный пользователь, clockworkorange88, пишет: «Потные яйца… Грязные яйца. Как будто я целую милю бежал в кожаных штанах. В июле».

Похоже на правду.

Через какое-то время я начинаю скучать и забиваю в поисковую строку: «Как вода для шоколада». Хочу убедиться, что точно уловила лейтмотив произведения. Скоро эссе. Конечно, двух недель у меня нет, но впереди еще куча времени – вся ночь.

Бла-бла-бла. Ничего интересного. Я уже собираюсь перепроверить электронную почту, когда на глаза попадаются строчки: «На протяжении всего романа жар выступает символом сексуального притяжения. Тита де ля Гарза способна контролировать его на кухне, но жар внутри ее тела – сила разрушительная и деструктивная…»

– Анна? – Кто-то стучит в дверь, и я подпрыгиваю от неожиданности.

Нет. Не кто-то. Сент-Клэр.

На мне поношенная футболка с желто-коричневой логотипом – рекламный знак Мэйфилдского молочного производства – и ярко-розовые фланелевые пижамные штаны с рисунком в виде гигантской клубнички. Лифчик отсутствует.

– Анна, я знаю, что ты здесь. Я вижу свет.

– Подожди секундочку! – кричу я. – Я сейчас.

Перед тем как открыть дверь, я хватаю черную толстовку и натягиваю прямо поверх футболки с коровьей мордой.

– Прости, пожалуйста. Входи.

Я широко распахиваю дверь, но Сент-Клэр не торопится входить, вместо этого он пристально смотрит на меня. С непонятным выражением. А потом вдруг расплывается в озорной улыбке и заходит внутрь:

– Милая клубничка.

– Заткнись!

– Нет, правда. Очень миленько.

И хотя его слова вовсе не имеют подтекста из серии «я собираюсь бросить свою девушку и начать встречаться с тобой, милашка», они меня задевают. Во мне вспыхивает «сила разрушительная и деструктивная», так хорошо знакомая Тите де ла Гарза. Сент-Клэр стоит в центре комнаты. Он поднимает руку, чтобы почесать затылок, и футболка задирается, обнажая часть живота.

Вжих! Во мне вспыхивает пламя.

– У тебя так… э… чисто… – говорит Сент-Клэр.

Пш-ш-ш. Огонь тут же гаснет.

– Правда?

Я знаю, что у меня в комнате порядок, но ведь я еще даже не успела купить приличное средство для мытья окон. Кто бы ни мыл мое окно последним, он понятия не имел о существовании «Виндекса». Фокус в том, чтобы распылять его по чуть-чуть. Большинство людей пшикает слишком много, и жидкость остается в уголках, а там ее не так-то просто вытереть, не оставляя разводов или ворсинок…

– Ага. Даже как-то не по себе.

Сент-Клэр слоняется по комнате, трогает вещи и рассматривает их так же, как я в гостях у Мередит. Он пристально изучает коллекцию фаянсовых слоников и бананов, аккуратно расставленных на комоде. Потом берет стеклянного слоника и вопросительно смотрит на меня:

– Это мой ник.

– Слон? – Он качает головой. – Прости, я, кажется, чего-то не понимаю.

– Анна Олифант. Banana Elephant[19]. Подруга собирает их для меня, а я собираю игрушечные мостики и бутерброды для нее. Ее зовут Бридж Сондервик, – поясняю я.

Сент-Клэр ставит стеклянного слоника на место и подходит к столу:

– Значит, все могут называть тебя слоником?

– Банановым слоником. Нет, конечно же нет.

– Прости, хотя я не про это.

– А про что? Что-то случилось?

– Ты поправляешь все, чего я касаюсь. – Сент-Клэр кивает на мои руки, которые машинально переставляют слона. – Невежливо с моей стороны вот так приходить и трогать твои вещи.

– О, все в порядке, – бормочу я, отпуская фигурку. – Можешь трогать у меня все, что захочется.

Сент-Клэр каменеет. На лице его появляется смущенное выражение, и до меня доходит, что я ляпнула что-то не то. Я имела в виду совсем другое.

Не то чтобы я против…

Но мне нравится Тоф, а у Сент-Клэра есть девушка. И даже если бы ситуация сложилась иначе, есть еще Мер. Я никогда бы не стала уводить у нее парня после того, с какой теплотой она отнеслась ко мне в первый день. И во второй. Да и во все остальные дни на этой неделе.

---

[19] Banana elephant – в пер. с английского «банановый слон».

Кроме того, Сент-Клэр обычный симпатяжка. Ничего экстраординарного. На улицах Европы таких пруд пруди, так ведь? Ухоженные парни со стильными стрижками и в элегантных пальто. Хотя я не видела ни одного такого, который хотя бы отдаленно напоминал неподражаемого месье Этьена Сент-Клэра, и все же…

Он отворачивается. Мне кажется или он смутился? Но почему? Это ведь я стою с идиотской улыбкой на лице.

– Это твой парень? – И Сент-Клэр показывает на экран ноутбука, где красуется моя фотография с коллегами.

Этот снимок сделали перед премьерой экранизации одного фэнтезийного романа. Поэтому большинство из присутствующих в костюмах эльфов или волшебников.

– Тот, который закрыл глаза?

– Что?

Неужели он думает, будто я встречаюсь с *Гераклом?*

Геракл – ассистент администратора. Он на десять лет меня старше, и да, это его настоящее имя. И хотя он очень мил и лучше всех разбирается в японских ужастиках, но ведь у него волосы собраны в конский хвост.

Конский хвост.

– Анна, это шутка. Я про вот этого. С бакенбардами. – Сент-Клэр указывает на Тофа, именно из-за него мне так нравится эта фотография.

Мы смотрим друг на друга и заговорщицки улыбаемся, словно потешаясь над какой-то понятной только нам шуткой.

– О… М-м-м… нет. Не совсем. То есть Тоф почти стал моим парнем. Я уехала до того… – Мне так неудобно, что я замолкаю. – До того, как между нами успело случиться что-то серьезное.

Сент-Клэр молчит. Потом прячет руки в карманы и делает шаг назад:

– Как все предусмотрено.

– Что? – удивляюсь я.

– Ту пурвар.

Парень кивает в сторону подушки с изображением единорога и короткой фразой. Это подарок моих бабушки с дедушкой – девиз и герб клана Олифант. Когда-то давным-давно мой дедушка переехал в Америку, чтобы жениться на моей бабушке, и до сих пор сходит с ума по всему шотландскому: он оттуда родом. Нам с Шонни он постоянно покупает вещи в цветах старого шотландского пледа (сине-зеленый фон с черными и белыми полосками). Мое покрывало – тоже его подарок.

– Ну я-то, конечно, понимаю, что это значит. Но ты-то откуда узнал?

– Ту пурвар. Это на французском.

Превосходно. Девиз клана Олифант, который был у меня под головой с самого младенчества, оказывается, написан на ФРАНЦУЗСКОМ, а я даже не в курсе. Спасибо, дедушка. Я выставила себя идиоткой. Но разве я могла догадаться, что шотландский девиз будет написан на французском? Мне казалось, шотландцы ненавидели Францию. Или это были англичане?

Блин, не знаю. Я всегда думала, что он на латыни или другом мертвом языке.

– Это твой брат? – Сент-Клэр кивает на единственную фотографию, которая висит у меня над кроватью.

На снимке Шонни широко улыбается, указывая на одну из маминых подопытных черепах, которая вытянула шею и уже готовится оттяпать ему палец.

Мама исследует особенности репродуктивной деятельности каймановых черепах, поэтому несколько раз в месяц ездит навещать их выводок на реке Чаттахучи. Шонни нравится ездить с ней вместе, а вот я предпочитаю оставаться дома в безопасности. Каймановые черепахи ужасно гадкие.

– Да. Его зовут Шон.

– Шон – скорее ирландское имя. Удивительно для семьи, где так много связано с Шотландией.

Я улыбаюсь:

– Для нас это больная тема. Мама просто влюбилась в это имя, но дедушка – отец моего отца – чуть не откинул копыта, когда его услышал. Он-то предлагал Малкольма, Эвана или Дугала.

Сент-Клэр смеется:

– Сколько брату?

– Семь. Уже во втором классе.

– У вас большая разница в возрасте.

– Ну, либо он получился у родителей случайно, либо это была последняя попытка спасти распадающийся брак. Мне никогда не хватало смелости спросить, как это получилось.

Черт! Не могу поверить, что я это сказала.

Сент-Клэр садится на край кровати:

– Твои родители разведены?

Я стою возле компьютерного кресла, поскольку сесть рядом с Сент-Клэром на кровати не отваживаюсь. Возможно, чуть позже, когда привыкну к его присутствию, я на это решусь. Но не сейчас.

– Да. Папа ушел, когда Шону было шесть месяцев.

– Прости. – Судя по виду Сент-Клэра, он действительно расстроен. – Мои тоже в разводе.

Я вздрагиваю и скрещиваю руки на груди:

– Ты тоже меня прости. Это дерьмово.

– Все в порядке. Мой отец – ублюдок.

– Мой тоже. То есть, наверное, это так, раз он бросил нас, когда Шонни был еще младенцем. А он бросил. Плюс по его вине я застряла здесь. В Париже.

– Я знаю.

– Откуда?

– Мер сказала. Но готов поспорить, мой отец куда хуже. К сожалению, он в Париже, а мама одна, за тысячу миль отсюда.

– Твой папа живет здесь?

Я удивлена. Знаю, что его отец – француз, но не могу представить, чтобы родитель отправил своего ребенка в школу-интернат, хотя они живут в одном городе. Это идиотизм.

– У него картинная галерея здесь и еще одна в Лондоне. Он все время разрывается между ними.

– И часто ты его видишь?

– Стараюсь с ним не пересекаться.

Сент-Клэр мрачнеет, и тут до меня доходит, что я понятия не имею, зачем он пришел. Приходится прямо спросить его об этом.

– Я разве не сказал? – Парень выпрямляется. – Ну, мм… Я просто знаю, что, если никто не придет и не вытащит тебя отсюда, ты так и будешь тут сидеть. Так что идем гулять.

Я вдруг ощущаю порхание бабочек в животе.

– Вечером?

– Вечером.

– Ясно. – Я делаю паузу. – А как же Элли?

Сент-Клэр плюхается на кровать:

– Планы сорвались.

Он неопределенно взмахивает рукой, и я понимаю, что о подробностях лучше не спрашивать.

– Я не одета. – И показываю на пижаму.

– Брось, Анна. Ты опять за старое?

Я окидываю парня недоверчивым взглядом, и мне в голову летит подушка с единорогом. Я бросаю ее обратно, Сент-Клэр ухмыляется, съезжает с кровати и огревает меня со всей силы. Я пытаюсь ухватиться за подушку, но промахиваюсь. Сент-Клэр бьет меня еще пару раз, прежде чем мне удается отобрать подушку. Он сгибается пополам от хохота, и я бью его по мягкому месту. Сент-Клэр вновь пытается выдернуть подушку у меня из рук, но я так крепко ее держу, что ему приходится отступить… И я падаю на кровать, потная и растерянная.

Сент-Клэр плюхается рядом, с трудом переводя дух. Он лежит настолько близко, что его волосы щекочут мое лицо. Наши ладони почти соприкасаются. Почти. Я пытаюсь вдохнуть, но у меня ничего не получается. И тут я понимаю, что не надела лифчик…

Меня охватывает паника.

– Ладно, – выдыхает Сент-Клэр. – План таков.

Я не хочу испытывать к нему никаких чувств. Хочу, чтобы все шло как обычно. Хочу быть его другом, а не очередной глупой девчонкой, питающей несбыточные надежды. Я заставляю себя подняться. Волосы наэлектризовались и торчат во все стороны, поэтому я беру резинку с комода, чтобы собрать их в хвост.

– Надень нормальные штаны, – говорит он. – И я покажу тебе Париж.

– И это все? Таков твой план?

– Вроде того.

– Вау. «Вроде того». Забавно.

Сент-Клэр недовольно бурчит и запускает в меня подушкой. Раздается телефонный звонок. Наверное, мама – на этой неделе она звонила каждый вечер. Я хватаю сотовый со стола и уже собираюсь сбросить звонок, как вдруг на дисплее высвечивается имя. Сердце замирает.

Тоф.

Глава восьмая

– Надеюсь, ты носишь берет, – подкалывает Тоф.

Я чуть не прыскаю от смеха. Он позвонил! Тоф позвонил!

– Пока нет. – Я меряю шагами комнату. – Но могу тебе купить, если хочешь. Вышьешь инициалы и будешь носить вместо беджика.

– Введу берет в моду.

– Это никому не под силу. Даже тебе.

Сент-Клэр по-прежнему лежит на моей кровати. Он подпирает голову рукой, чтобы наблюдать за мной. Я улыбаюсь и киваю на фотографию в ноутбуке.

– Тоф, – беззвучно шепчу я.

Сент-Клэр качает головой.

Бакенбарды.

– Ах, – произносит он также одними губами.

– Вчера приходила твоя сестра, – сообщает Тоф.

Он всегда относился к Бридж как к моей сестре. Мы одного роста и телосложения, обе с длинными прямыми волосами, только Бридж блондинка, а я шатенка. И как все те, кто кучу времени проводит вместе, говорим одинаково. Хотя Бридж использует слова подлиннее. И ее ладони покрыты мозолями от игры на барабанах. И у меня щель между зубами, а у нее брекеты. Другими словами, она похожа на меня, но симпатичнее, умнее и талантливее.

– Я и не знал, что она играет на барабанах, – говорит Тоф. – И как успехи?

– Она лучшая.

– Ты так говоришь, потому что она твоя подруга или у нее действительно талант?

– Она лучшая, – повторяю я и краем глаза отмечаю, что Сент-Клэр поглядывает на часы на комоде.

– У меня барабанщик ушел из группы. Как думаешь, она заинтересуется?

Прошлым летом Тоф создал панк-группу «Грошовые ужасы». С тех пор там много раз менялся коллектив, кипели споры из-за текстов песен, но концертов музыканты так и не давали. Что просто ужасно. Готова спорить, Тоф прекрасный гитарист.

– Ну конечно, – отвечаю я. – Думаю, она согласится. Ее придурочный инструктор только что прокатил ее с местом лидера секции, и ей необходимо выпустить пар.

Я даю номер подруги. Тоф записывает, вслух повторяя цифры, а Сент-Клэр делает вид, будто смотрит на воображаемые наручные часы. Сейчас только девять вечера, не понимаю, с чего такая спешка. Даже я знаю, что для Парижа это детское время.

Сент-Клэр громко кашляет.

– Эй, прости. Нужно идти, – говорю я Тофу.

– Ты не одна?

– Мм… да. С другом. Мы сегодня идем гулять.

Неловкая пауза.

– С парнем? – спрашивает Тоф.

– С другом. – Я поворачиваюсь к Сент-Клэру спиной. – У него есть девушка. – И вздрагиваю. Зачем я это ляпнула?

– Значит, ты не забыла про нас? Я хочу сказать… – Тоф осекается. – Про наши отношения здесь, в Атланте? Или променяла меня на какого-то французика и больше не вернешься?

Сердце колотится как оглашенное.

– Ну конечно же я вернусь к Рождеству.

– Хорошо. Хорошо, Аннабель Ли[20]. Мне в любом случае нужно возвращаться к работе. Наверное, Геркулес опять бесится, что я не закрыл дверь. *Чао.*

– Вообще то, оревуар, – поправляю я.

– Не важно. – Тоф смеется и вешает трубку.

Сент-Клэр встает с кровати:

– Ревнивый бойфренд?

– Я же говорила. Он мне не бойфренд.

– Но он тебе нравится.

Я краснею:

– Ну… да.

Лицо Сент-Клэра остается невозмутимым. Возможно, его это задело. Он кивает на дверь:

– Все еще хочешь пойти гулять?

– Что? – Я смущена. – Да, конечно. Только переоденусь сначала.

Я выгоняю Сент-Клэра из комнаты. Пять минут спустя мы уже идем по улице. На мне любимая рубашка из секонд-хенда, облегающая в нужных местах, джинсы и черные кеды. Я знаю, что кеды – это не слишком по-французски – остроносые ботинки или высокие каблуки подошли бы куда лучше, – но, по крайней мере, они не белые. Насчет белых кроссовок все правда. Их носят только американские туристы, и предназначены они лишь для того, чтобы косить траву или красить дома.

Ночь прекрасна. Париж переливается желтыми, зелеными, оранжевыми огнями. Теплый воздух гудит от веселой болтовни прохожих и звона бокалов в ресторанах. Сент-Клэр занимательно описывает самые жуткие моменты из биографии Распутина, которую он дописал сегодня днем.

– И вот другие русские подсыпают ему в обед дозу цианида, которая способна уложить пятерых взрослых мужчин, прикинь? Но ничего не происходит, и им приходится перейти к плану Б – в него стреляют из револьвера. В спину. Но и это его не убивает. У Распутина оказывается достаточно сил для того, чтобы задушить убийцу, и в него стреляют еще три раза. Но он пытается встать! Его избивают до кровавого месива, заворачивают в простыню и бросают в ледяную реку. Но все это…

Глаза Сент-Клэра сверкают. С таким же видом моя мама рассказывает про черепах, а Бридж – про барабаны.

– Во время вскрытия обнаружили, что фактической причиной смерти стало переохлаждение. Его убила река! Не яд, не пули и не избиение, а мать-природа. Более того, его руки были подняты вверх, а значит, он пытался выбраться из-подо льда.

– Что? Нет…

У магазинной вывески с выгравированными на ней золотыми буквами фотографируются немецкие туристы. Мы быстро пробегаем мимо, чтобы не испортить кадр.

– Слушай дальше, – продолжает Сент-Клэр. – Когда тело кремировали, он сел. Нет, правда! Видимо, человек, который готовил тело, забыл подрезать сухожилия, и, когда труп загорелся, они ссохлись…

Я согласно киваю:

– Фууу, мерзость, но круто, конечно. Продолжай.

– … в этом и была причина того, что тело поднялось, однако… – Сент-Клэр торжествующе улыбается, – все обалдели, когда это увидели.

– И кто говорит, что история скучная?

---

[20] Очевидно, имеется в виду героиня поэмы Эдгара Алана По, которую главный герой любит так сильно, что даже ангелы начинают завидовать этому чувству.

Я улыбаюсь в ответ, и в этот миг все великолепно. Почти. До тех пор, пока мы не выходим за территорию Американской школы. Я впервые ухожу так далеко. Моя улыбка гаснет, и я возвращаюсь к своему обычному состоянию нервного возбуждения.

– Знаешь, спасибо тебе. Большинство пытаются заткнуть меня задолго до того, как… – Сент-Клэр замечает мое состояние и останавливается. – С тобой все хорошо?

– Я в порядке.

– Да? Тебе когда-нибудь говорили, что лгунья из тебя просто ужасная? Жуткая. Хуже некуда.

– Это просто… – неуверенно начинаю я.

– Да-а-а?

– Париж такой… чужой. – Я пытаюсь подобрать подходящее слово. – Пугающий.

– Да ну, – отмахивается Сент-Клэр.

– Тебе легко говорить.

Мы обходим интеллигентного джентльмена, наклонившегося к своему бассет-хаунду с отвисшим животом, чтобы взять его на руки.

Дедушка предупреждал, что на тротуарах Парижа легко можно вляпаться в собачьи испражнения, но пока что ничего подобного не случалось.

– У тебя была вся жизнь, чтобы знакомиться с Парижем, – продолжаю я. – Ты свободно говоришь по-французски, одеваешься как европеец…

– Пардон?

– Да брось. Элегантная одежда, отличная обувь.

Сент-Клэр поднимает левую ногу в потертом, громоздком ботинке:

– Типа того?

– Ну, нет. Но ты не носишь кроссовки. А я белая ворона. Я не знаю французский, боюсь метро и, наверное, должна была бы ходить на каблуках, но я их ненавижу…

– Я счастлив, что ты их не носишь, – прерывает меня Сент-Клэр. – Тогда ты была бы выше меня.

– Я и так выше.

– Ничего подобного.

– Брось. Я на три дюйма выше. Притом что ты в ботинках.

Парень толкает меня плечом, и я натянуто улыбаюсь.

– Расслабься, – говорит он. – Ты со мной. Я почти француз.

– Ты англичанин.

Он ухмыляется:

– Американец.

– Американец с английским акцентом. Разве это не повод для французов ненавидеть тебя вдвойне?

Сент-Клэр закатывает глаза:

– Пора тебе прекратить верить байкам и начать выстраивать собственное мнение.

– Это не байки.

– Правда? Тогда, пожалуйста, просвети меня. – Он кивает на девушку, идущую перед нами. Она треплется на французском по сотовому. – Что это у нее на ногах?

– Кроссовки, – мямлю я.

– Интересненько. А те джентльмены на другой стороне тротуара. Может, потрудишься объяснить, что это обул вон тот, слева? Что за странные штуковины?

Естественно, кроссовки.

– Но, эй! Видишь вон того парня? – Я киваю на мужчину в джинсовых шортах и футболке с надписью «Будвайзер». – Неужели это только мне бросается в глаза?

Сент-Клэр косится на незнакомца:

– Что именно? Облысение? Избыточный вес? Отсутствие вкуса?

– Американец.

Сент-Клэр картинно вздыхает:

– Честно, Анна, кончай с этим.

– Я не хочу никого оскорблять. Я слышала, французы очень обидчивые.

– Сейчас ты никого не оскорбляешь, кроме меня.

– А как насчет нее?

Я указываю на женщину средних лет в шортах цвета хаки и трикотажном топе со звездами и полосками. В поясной сумке у нее фотоаппарат. Она отчаянно спорит с мужчиной в панаме. Вероятно, с мужем.

– Как отвратительно.

– Я не про это. Неужели моя национальная принадлежность настолько же очевидна?

– Если учесть, что та тетка нацепила на себя американский флаг, я отважусь отрицательно ответить на твой вопрос. – Сент-Клэр прикусывает ноготь большого пальца. – Слушай. Кажется, я знаю, как решить твою проблему, но тебе придется подождать. Пообещай, что больше не станешь просить меня сравнивать тебя с пятидесятилетними тетками, и я обо всем позабочусь.

– Как? Позаботишься о чем? Сделаешь мне французский паспорт?

Парень фыркает:

– Я не говорил, что превращу тебя в француженку. – Я открываю рот, чтобы протестовать, но он тут же пресекает попытку: – По рукам?

– По рукам, – сконфуженно отвечаю я. Сюрпризы не моя стихия. – Надеюсь, это что-то хорошее.

– О, конечно.

Сент-Клэр выглядит таким самодовольным, что меня так и тянет сказать какую-нибудь пакость, и в этот момент я вдруг понимаю, что больше не вижу нашу школу.

Не могу поверить. Сент-Клэр полностью переключил мое внимание на себя. Некоторое время я еще жду появления болезненных симптомов, но ничего не происходит. Ноги готовы пуститься в пляс, а в животе порхают бабочки. Я счастлива, что наконец оказалась на воле!

– Итак, куда мы идем? – с энтузиазмом спрашиваю я. – К Сене? Я знаю, она где-то рядом. Посидим на берегу?

– Не скажу, – улыбается Сент-Клэр. – Просто идем.

Я покоряюсь. Да что со мной такое? Второй раз за минуту я позволяю этому парню управлять мной и держать в неизвестности.

– О! Ты должна это увидеть.

Он хватает меня за руку и тащит через улицу.

Водитель скутера рассерженно сигналит нам вслед, и я смеюсь:

– Постой, что…

И тут у меня перехватывает дыхание.

Мы стоим перед собором из соборов! Четыре толстые колонны поддерживают готический фасад, украшенный мощными статуями, окнами-розетками и причудливой резьбой. Тоненькая колокольня тянется к чернильному пространству ночного неба.

– Что это? – шепчу я. – Известное здание? Я о нем что-то знаю?

– Это моя церковь.

– Ты сюда ходишь? – Я удивлена: Сент-Клэр не похож на глубоковерующего человека.

– Нет.

Парень кивает на каменную табличку.

Я читаю:

– Сент-Этьен-дю-Мон. Ух ты! Святой Этьен.

Сент-Клэр улыбается:

– Я всегда испытывал некоторое чувство собственности по отношению к этому месту. Мама приводила меня сюда, когда я был еще совсем маленьким. Мы брали с собой ланч и ели прямо здесь, на ступенях. Иногда она брала альбом, рисовала голубей и такси.

– Твоя мать – иконописец?

– Нет, художница. Ее работа висит в нью-йоркском Музее современного искусства.

Парень говорит об этом с такой гордостью, что я поневоле вспоминаю слова Мередит о том, что Сент-Клэр восхищается Джошем за его исключительный художественный дар. И что отец Сент-Клэра владеет двумя картинными галереями. А еще Сент-Клэр будет ходить на уроки живописи в этом семестре. Я громко спрашиваю, уж не художник ли он сам.

Этьен пожимает плечами:

– Не совсем. Хотел бы я им быть. От мамы я унаследовал только художественное чутье, но не талант. Джош рисует намного лучше. Да и Рашми, если уж быть честным.

– Вы, наверное, очень близки с ней? С твоей мамой?

– Я ее люблю, – без тени подросткового смущения говорит парень.

Мы стоим перед воротами собора и смотрим наверх – все выше, выше и выше. Я вспоминаю, как мама каждый вечер садится за компьютер и заносит туда данные о каймановых черепахах. Только в Атланте сейчас еще не вечер. Возможно, в данный момент она затаривается в продуктовом магазине. Или едет на реку Чаттахучи. А может, смотрит «Империя наносит ответный удар» вместе с Шоном. Я понятия не имею, чем она занимается, и это меня тревожит.

Наконец Сент-Клэр нарушает тишину:

– Пора идти. Ты еще столько всего не видела.

Чем дальше мы углубляемся в центр города, тем больше вокруг народу. Сент-Клэр рассказывает, что его мама готовит на обед шоколадные блинчики, а на завтрак – кастрюлю пасты с тунцом. Что все комнаты в квартире она выкрасила в разные цвета радуги. Что она коллекционирует письма, где ее имя написано с ошибкой. И ничего не говорит об отце.

Мы проходим мимо очередного огромного строения, напоминающего развалины средневекового замка.

– Боже, здесь история просто повсюду, – восхищаюсь я. – Что это за место? Мы можем войти?

– Это музей, конечно, можем. Но не сегодня. Подозреваю, он закрыт.

– О да, понятно, – стараясь скрыть разочарование, вздыхаю я.

Сент-Клэр удивлен:

– Ты в школе всего одну неделю. У нас впереди еще целая вечность, чтобы посетить этот музей.

У нас. Не знаю почему, но внутри все сжимается. Сент-Клэр и я. Я и Сент-Клэр.

Скоро мы оказываемся в крайне популярном у туристов районе. Людей здесь еще больше, чем в окрестностях школы. Повсюду шумные рестораны, магазины и отели. Уличные продавцы кричат на английском: «Кускус! Хотите кускус?», а дороги настолько узкие, что автомобиль не проедет. Мы идем по улице, протискиваясь сквозь толпу, словно на карнавале.

– Где мы?

Хотелось бы мне задавать поменьше вопросов.

– Между рю Сен-Мишель и рю Сен-Жак.

Я отвечаю вопросительным взглядом.

– Рю означает «улица». Мы все еще в Латинском квартале.

– До сих пор? Но мы шли…

– Десять – пятнадцать минут? – поддразнивает Сент-Клэр.

Хм… Очевидно, лондонцы или парижане, кем бы Этьен там себя ни считал, не особенно ценят радость обладания автомобилем. А я вот скучаю по своей малышке, хотя у нее барахлит

двигатель. И нет кондиционера. И сломано радио. Я делюсь этими мыслями с Сент-Клэром, чем вызываю у него улыбку.

– Ты все равно не смогла бы на ней ездить. Во Франции можно водить только с восемнадцати лет.

– Тогда мог бы ты сесть за руль, – говорю я.

– Нет, не мог бы.

– Ты же говорил, будто у тебя день рождения! Так я и знала. Ты соврал, и никто…

– Я другое имел в виду, – смеется Сент-Клер. – Я не умею водить.

– Серьезно? – Я не могу удержаться от коварной ухмылки. – Хочешь сказать, на свете существует то, что я умею делать, а ты нет?

Сент-Клэр усмехается в ответ:

– Шокирующая информация, не правда ли? Но мне это никогда не было нужно. В Париже прекрасно организована система общественного транспорта, так же как и в Сан-Франциско и Лондоне.

– Прекрасно организована, – передразниваю я.

– Заткнись, – хохочет Этьен. – Эй, а знаешь, почему этот квартал называют Латинским?

Я приподнимаю одну бровь.

– Несколько столетий назад здесь жили и учились студенты Сорбонны. Она, кстати, вон там. – Сент-Клэр показывает куда-то в сторону. – Это один из самых старых университетов мира. В общем, преподавали студентам на латыни, поэтому между собой они стали называть квартал латинским. А потом название прижилось.

Повисает неловкая пауза.

– И это все? Конец истории?

– Да. Черт, ты права. Полная белиберда.

Я обхожу еще одного агрессивного продавца кускуса:

– Белиберда?

– Дрянь. Фигня. Дерьмо.

Белиберда- как мило.

Мы поворачиваем за угол, и вот она, Сена. Огни города дрожат на воде. Я делаю глубокий вдох. Великолепно. По набережной прогуливаются парочки, продавцы расставляют картонные коробки с книгами в мягких обложках и старыми журналами на продажу. Мужчина с рыжей бородой наигрывает на гитаре грустную песню. Мы слушаем его минутку, а потом Сент-Клэр бросает несколько евро в чехол от гитары.

Наше внимание вновь переключается на реку, и в этот момент я вижу…

Нотр-Дам.

Конечно, я уже видела Нотр-Дам на фотографиях. Сент-Этьен-дю-Мон – красивейший из соборов, но даже он НИЧТО по сравнению с Нотр-Дамом. Этот собор точно огромное судно, идущее вниз по реке. Массивное. Внушительное. И притягательное. Подсветка напоминает «Дисней Уорлд»[21], но этот собор намного волшебнее, чем что-либо выдуманное Диснеем. Островки изумрудных виноградных лоз спускаются по стенам прямо в воду, завершая сказочный образ.

Я медленно выдыхаю:

– Как красиво.

Сент-Клэр наблюдает за мной.

– В жизни не видела ничего подобного. – У меня не хватает слов.

---

[21] «Дисней Уорлд», или «Всемирный центр отдыха Уолта Диснея», – самый большой по площади и самый посещаемый центр развлечений в мире, площадью в 100 км^2. В составе комплекса четыре тематических парка, два аква-парка, 24 тематических отеля, множество магазинов, кафе, ресторанов и других развлекательных мест. Располагается к юго-западу от города Орландо в штате Флорида, США.

Чтобы добраться до собора, нам нужно перейти мост. Никогда не знала, что Нотр-Дам построен на острове. Сент-Клэр говорит, что мы идем к Лиль де ля Сите, Острову Сите, и это самый старый район Парижа. Сена мерцает внизу зеленым и голубым, и под мостом проплывает длинный, расцвеченный огнями корабль. Я заглядываю за край:

– Смотри! Там пьяный. Он сейчас вывалится за бо…

Я оглядываюсь и вижу, что Сент-Клэр медленно плетется в нескольких футах от края моста.

Сначала меня это озадачивает, но потом я все же понимаю:

– Ты же не боишься высоты?

Сент-Клэр неотрывно смотрит вперед, стараясь не отводить взгляда от силуэта Нотр-Дама.

– Я просто не понимаю, зачем стоять на краю, когда рядом полным-полно места, где можно идти.

– О, так дело в пространстве?

– Отстань, иначе я начну задавать коварные вопросы про Распутина. Или про спряжение французского глагола.

Я перегибаюсь через край и делаю вид, что оступаюсь.

Сент-Клэр бледнеет:

– Нет! Не надо!

Он тянет руки, будто хочет спасти меня, и тут же хватается за живот, будто его сейчас вырвет.

– Прости! – Я отхожу от парапета. – Я не знала, что тебе настолько плохо.

Парень лишь отмахивается, все еще продолжая держаться другой рукой за живот.

– Прости, – вновь повторяю я.

– Проехали, – недовольно бурчит Сент-Клэр, словно это я виновата в том, что мы тут застряли, а потом указывает на Нотр-Дам: – Я не из-за него потащил тебя сюда.

Сложно вообразить что-то красивее Нотр-Дама.

– Мы не зайдем внутрь?

– Закрыто. У нас будет еще куча времени, забыла?

Сент-Клэр ведет меня во внутренний двор, и я пользуюсь моментом, чтобы полюбоваться на его пятую точку. Совершенство. Это даже лучше, чем Нотр-Дам.

– Здесь!

Отсюда прекрасно виден вход – на трех колоссальных арках восседают сотни и сотни небольших фигур. Они напоминают каменных кукол, каждая детально проработана.

– Они невероятны, – шепчу я.

– Не там. Здесь.

Сент-Клэр указывает мне под ноги.

Я смотрю вниз и с удивлением обнаруживаю, что стою в середине маленького каменного круга. В центре, прямо у меня между ног, красуется медно-красный бронзовый восьмиугольник со звездой. По кругу выгравирована надпись: POINT ZÉRO DES ROUTES DE FRANCE.

– Мадемуазель Олифант, тут написано: «Нулевая точка французских дорог». Другими словами, от этой точки отсчитывают протяженность всех дорог во Франции. – Сент-Клэр торжественно откашливается. – Это начало всего.

Я оборачиваюсь.

Парень улыбается:

– Добро пожаловать в Париж, Анна. Я рад, что ты приехала.

Глава девятая

Сент-Клэр прячет кончики пальцев в карманы и трогает булыжники носком ботинка.

– И? – в конце концов спрашивает он.

– Спасибо, – ошеломленно отвечаю я. – Было очень мило с твоей стороны привести меня сюда.

– Ой, да ладно.

Парень выпрямляется и пожимает плечами – опять этим французским движением, как будто двигаясь всем телом. У него здорово выходит. А потом принимает свой обычный самоуверенный вид.

– Надо же где-то начинать. А теперь загадай желание.

– А?

Кажется, у меня проблемы со словарным запасом. С таким только «белые стихи» писать или песенки для рекламы кошачьего корма.

Этьен улыбается:

– Встань на звезду и загадай желание.

– О, да, конечно. – Я встаю по центру. – Желаю…

– Только не вслух!

Сент-Клэр всем телом бросается вперед, словно желая предотвратить непоправимое, и мой желудок сжимается от ужаса.

– Ты что, не знаешь, как загадывают желания? Такой шанс выпадает не каждый день… Что у нас там считается – падающие звезды, выпавшие ресницы, одуванчики…

– Свечи на торте.

Этьен игнорирует колкость:

– Именно. Так что не стоит упускать момент. К тому же молва гласит, что, если загадать желание на этой звезде, оно обязательно сбудется. – Он делает паузу и продолжает: – И это лучшая часть предания, есть еще и другая, более страшная.

– И что же, теперь я умру страшной смертью? Что со мной будет – меня отравят, застрелят, изобьют до смерти или утопят?

– Скорее умрешь от гипотермии. – Сент-Клэр смеется. У него задорный смех. – Да нет. Я слышал, тому, кто встанет на этот диск, предначертано однажды вернуться в Париж, а для тебя, насколько я понимаю, один год и так слишком долго. Я прав?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.